

С того света

Автор:

Бернар Вербер

С того света

Бернар Вербер

Бесконечная Вселенная Бернарда Вербера

Меня зовут Габриель Уэллс, я писатель и внук Эдмонда Уэллса – создателя знаменитой «Энциклопедии относительного и абсолютного знания». Сегодня утром меня посетила идея нового романа, он будет совершенно особенный, потому что касается убийства человека, которого я знаю лично: меня самого. Меня убили прошлой ночью, и мне просто необходимо узнать – кто, иначе моя душа не успокоится. Как вы понимаете, призрак это сделать не так просто, но у меня есть помощница-медиум Люси. С того и этого света мы попытаемся разгадать загадку моей смерти и тайну загробной жизни.

Бернар Вербер

С того света

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2018

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

* * *

Памяти Моник Паран Бакан, первого медиума, приоткрывшего мне двери прошлого (она рассказала мне о моих прежних жизнях), грядущего (намекнула на возможное будущее) и невидимых миров (объяснила, что такое блуждание душ).

Неважно, веришь ты или не веришь, важно воображать, мечтать и слушать занятные истории, наводящие на размышления.

Спасибо, Моник, ты поведала мне их достаточно, чтобы у меня самого возникло желание кое о чем поведать...

В действительности никто всерьез не верит, что умрет, каждый подсознательно убежден в своем бессмертии.

Зигмунд Фрейд

Я говорю не для того, чтобы переубедить несогласных с моими мыслями. Я обращаюсь к тем, кто уже согласен с ними, чтобы они поняли, что не одиноки.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том XII

Акт I

Удивительное открытие

1

«Кто меня убил?»

2

Проснувшись, писатель Габриель Уэллс сразу спрыгивает с постели. Во сне его посетила наконец первая фраза нового романа. Простой вопрос, с него – с загадки смерти рассказчика – откроется книга.

«Кто... меня... убил?»

Этот зачин кажется Габриелю парадоксом, который непременно заставит его нащупать оригинальную интригу. Как герою выразить, что он уже скончался? Главное, как ему расследовать собственное убийство?

Подстегиваемый этим новым вызовом, Габриель Уэллс даже не тратит время на завтрак. Он выбегает из дому и торопится в свое обычное бистро «Ле Кокле». Накануне он оставил там компьютер, своего электронного боевого коня, которого он взнуздывает по утрам для очередного творческого галопа.

Ускоряя шаг, он напряженно ищет последнюю фразу. Для него роман – это начальная фраза (именуемая на его жаргоне «вход»), ведущая к завершающей фразе («выходу»).

Дело за малым: за часовым механизмом, управляющим интригой и затягивающим читателя внутрь системы, где он тонет, постепенно забывает о собственной жизни и интересуется только жизнью героя.

Навязчивый страх, ужас перед возможной неудачей заставляют Габриеля Уэллса спешно перебирать ворох классических повествовательных схем.

Великая история несбыточной любви?

Постепенно раскрываемый секрет?

Утопический поиск?

Предательство, караемое отмщением?

При этом все должно быть увязано с загадкой, заданной в первой фразе, неоднократно повторяемой потом и твердо западающей в память:

«Кто... меня... убил?»

Сначала эта находка казалась вдохновляющей, но теперь закрадывается сомнение. Не лучше ли начать другим вопросом, подразумевающим несколько иной тревожный нюанс:

«Почему я мертв?»

До этой секунды нащупанное им сверхоригинальное начало было таким:

«Неудачная попытка самоубийства: нечаянное убийство вместо себя своего брата-близнеца».

Вспоминая момент, когда ему на ум пришла эта фраза, он улыбается, потом снова становится серьезным.

«Кто меня убил?» или «Почему я мертв?»

Сочинитель обязательно сталкивается с проблемой выбора. Но выбор подразумевает отказ, а значит, непереносимый риск сожаления.

В конце концов он останавливается на первом варианте, сочтя его более динамичным.

Остается лишь найти финальную развязку.

Может быть, убийцей оказывается уборщица?

Нет, только без бульварщины!

Что, если в конце до героя доходит, что он жив-здоров?

Старо...

А если выяснится, что герой – не человек?

Слишком просто.

Габриеля Уэллса ничего не устраивает, зато в его голове начинают вырисовываться контуры центрального персонажа. Он уже представляет его внешность, психологию, наделяет его слабостями, изъянами, пороками, способностями. Именем и фамилией. Нужна еще некая загадка, нечто, что можно будет постепенно разоблачить и предъявить читателю.

Он телепат?

Сомнамбула?

У обычного человека один мозг, а у нашего героя их два?

Пока что все это еще очень расплывчато. Но мало-помалу герой обретает в голове своего создателя плоть: вырисовывается походка, манеры, гардероб, улыбка, причуды. Силой воображения Габриель Уэллс лепит из ничего целостную личность.

Он так возбужден, что с трудом удерживается, чтобы не перейти на бег.

В этот час на улице уже не протолкнуться. Он проскакивает мимо аптеки, мигающей зелеными огнями, словно с целью загипнотизировать покупателя и принудить его к глотанию таблеток. Поперек тротуара спит бездомный с фиолетовой физиономией – перешагнуть через бездомного. Так же он поступает со свежими собачьими испражнениями. Сопливый школяр, не по годам разогнавшийся, едва не попадает ему локтем под дых. Старушка, увенчанная перуанским беретом с розовым помпоном, выгуливает пуделя. Собака так тянет поводок, что бедная хозяйка, кажется, сейчас заскользит по тротуару, как на водных лыжах.

Вот и школа. Прибывшие раньше времени родители читают своим отпрыскам нотации, дожидаясь колокольчика, который освободит их на день от тяжелой обузы.

А вот цветочный киоск. Перед ним Габриель Уэллс замирает как вкопанный. Куда подевался аромат?

Он нюхает по очереди все цветы – и ничего не чувствует.

Тогда он нюхает собственную ладонь, подмышки, воздух, выхлоп проезжающих мимо машин. Он глубоко дышит, припадает носом ко всему, что должно выделять хоть какой-то запах, и убеждается, что полностью лишился обоняния.

В панике от мысли, что навсегда утратил способность чувствовать запахи, он мигом отказывается от всех недавних намерений и следует напрямик к своему врачу, доктору Фредерику Лангману, практикующему в конце этой же улицы.

3

НАЧАЛО ПРИЕМА В 9 УТРА.

ЗВОНИТЕ. ВХОДИТЕ. УСТРАИВАЙТЕСЬ

В комнате ожидания перед кабинетом терапевта пусто. Габриель Уэллс не садится, он обнюхивает кожаные кресла, сует нос в цветы на столике, накрывает нос ладонью. Где запахи? Его душит тревога.

Чтобы отвлечься, он пытается сосредоточиться на своем будущем романе, на герое, его финальном разоблачении и заключительной реплике.

Звенит колокольчик, распаивается дверь, появляется посетительница – брюнетка с длинными волнистыми волосами, высоким лбом, тщательно прорисованными бровями, остреньким носом и таким же заостренным подбородком. На ней шелковая сиреневая блузка и длинная юбка в цветочек. Габриелю Уэллсу немедленно бросается в глаза ее поразительное сходство с предметом его благоговения – американской актрисой 30-х годов Хеди Ламарр.

Молодая женщина садится и тут же погружается в чтение старого потрепанного журнала, посвященного перипетиям личной жизни знаменитостей.

Габриеля интригует это соседство. Сначала он крепится, потом не выдерживает и пытается завязать разговор.

- Можно спросить, что вас сюда привело, мадемуазель?

Оторвавшись от статьи о громком разводе в высших сферах, она цедит с не очень довольным видом:

- Мигрень.

Отвечая, она ищет глазами потерянную строку.

- А меня аносмия. Это болезнь, при которой перестаешь чувствовать запахи.

- Ну уж нет, по-моему, ваша проблема вовсе не в этом...

Вот тебе раз! Она знать его не знает и еще не удостоила ни единым взглядом. Но ответить ей он не осмеливается.

Приходит доктор Лангман. Он приглашает в кабинет женщину. Из вежливости Габриель Уэллс молчит о том, что пришел первым.

Он снова погружается в поиск последней фразы для своего романа, перебирая зачины и концовки, использованные его любимыми авторами.

4. Энциклопедия: зачины, концовки

Знаменитые зачины:

«Сначала Бог создал небо и землю». Библия.

«Сидя рядышком с сестрой на склоне, Алиса начинала уставать от безделья».

«Алиса в Стране чудес» Льюиса Кэрролла.

«Проснувшись как-то утром после тревожных снов, Грегор Замза обнаружил, что превратился в собственной постели в чудовищное насекомое».

«Превращение» Франца Кафки.

«Было это в Мегаре, предместье Карфагена, в садах Амилькара».

«Саламбо» Гюстава Флобера.

«Давно уже я стал ложиться рано».

«В сторону Свана» Марселя Пруста.

«Сегодня умерла мама».

«Посторонний» Альбера Камю.

Знаменитые концовки:

«Жизнь, видите ли, никогда не бывает ни так хороша, ни так плоха, как думают».

«Жизнь» Ги де Мопассана.

«Подумать только, когда мы вырастем, мы, возможно, поглупеем, как они».

«Война пуговиц» Луи Перго.

«Попытаемся войти в смерть с открытыми глазами».

«Воспоминания Адриана» Маргерит Юрсенар.

«Так мы и плывем против течения, раз за разом возвращаемые в прошлое».

«Великий Гэтсби» Фрэнсиса Скотта Фитцджеральда.

«Только дух, подув на глину, способен создать человека».

«Земля людей» Антуана де Сент-Экзюпери.

«Когда попробовали отделить его от скелета, который он сжимал в объятиях, он рассыпался в прах».

«Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том XII

5

После приема женщина в цветастой юбке прощается с доктором Лангманом и в танцевальном пируэте вдевает руки в рукава поданного им плаща.

Габриель встает, но врач, не обращая на него внимания, закрывает дверь своего кабинета, даже не предложив ему войти.

Озадаченный писатель подходит к закрытой двери и зовет друга:

– Эй, Фред, что за шуточки? Это же я, Габриель, Габриель Уэллс!

Женщина, уже готовая выйти, задерживается на пороге.

– Вы и вправду Габриель Уэллс, писатель? – осведомляется она, не оборачиваясь.

– Да, а что?

– Это все меняет. Я вам помогу.

– Поможете мне? В каком смысле?

Она возвращается на середину комнаты ожидания и, по-прежнему не глядя на него, произносит:

- Сначала мне придется вам объяснить, что у вас за «болезнь».

- Вы врач?

Она сочувственно улыбается:

- В некотором смысле. Назовем меня «врачевательницей душ». Это удобно, можно обходиться без диплома. Итак, начнем. Знайте, ваша проблема посерьезнее какой-то аносмии.

- У меня рак?

- Еще хуже.

- Скажите правду, я все вынесу.

- Гм, пока рановато... Лучше начать с симптомов. Сегодня, встав, вы ведь не почувствовали голода?

- Верно, не почувствовал.

- Вы быстро вышли из дома и, если я не ошибаюсь, ни с кем не заговорили?

- Утром, только проснувшись, я обычно неразговорчив.

- Снаружи вы не обратили внимания на холод.

- Я не мерзляк... И хватит загадок! Что еще за таинственная болезнь? – почти кричит Габриель, полный нетерпения.

Она смотрит на его руки.

- Вам известно, от какого выражения происходит слово «болезнь»? От *mal a dire*[1 - Игра слов. «Болезнь» по-французски – *maladie*, произносится так же, как и *mal a dire* – «трудно сказать». – Здесь и далее прим. переводчика.].

– Сколько можно бродить вокруг да около? Куда вы клоните, скажите на милость?

– Что ж, зайду с другого угла. Как бы вам объяснить?.. Словом, у меня для вас две новости, хорошая и плохая. С какой начать?

– С хорошей... – стонет Габриель, почти не скрывая раздражения.

– Я вас обманула, вы не больны.

– Так-то лучше! Ну, теперь выкладывайте вашу плохую новость.

– Плохая новость состоит в том, что... что вы мертвы.

Габриель приподнимает брови, изображает изумление, непонимание, недоуменное раздумье, а потом прыскает.

Его собеседница облегченно переводит дух.

– Рада, что вы так это восприняли, мало кто реагирует на это известие так же легко.

– Мне смешно, потому что я вам не верю.

Она переминается на месте, как будто собирается с духом.

– Раз так, предлагаю провести небольшой эксперимент. Не желаете взглянуть на себя в зеркало?

Она жестом манит его к большому зеркалу, и он с немалым удивлением убеждается, что в нем отражается только собеседница.

Габриеля пробирает дрожь, но, справившись с приступом паники, он храбро улыбается.

- Тоже мне доказательство! Скорее всего, я просто сплю. Все это сон. Кстати, вот и объяснение вашего появления.

- Сон? Тогда ущипните себя.

Он сильно щипает себя за запястье.

- Ничего не чувствую. Ну и что? Я попросту щипаю себя во сне.

- Тогда перейдем ко второму эксперименту, известному под названием «испытание огнем».

Она достает зажигалку и предлагает ему поднести к пламени ладонь. Он повинуется и убеждается, что не чувствует никакого неудобства, не говоря о боли. И еще одна странность: не появилось ни малейшего дымка, огонь никак не повлиял на его кожу.

Он таращится на ладонь: ничего похожего на ожог. Его охватывает неприятное чувство, но он и его отважно преодолевает.

- Иногда мне снится, что я не отражаюсь в зеркалах и не обжигаясь, когда подношу руку к огню. Такие сны повторяются порой по несколько раз в неделю.

Она пожимает плечами:

- Тогда остается последняя проверка - свободное падение. Полезайте на подоконник и шагните в пустоту.

- С шестого этажа? Не высоковато ли?..

- Какие проблемы, если все это простой сон? В худшем случае проснетесь.

Она распахивает обе рамы, в комнату врывается ветер, треплющий ей волосы, но Габриель не ощущает ни малейшего дуновения.

- Запросто!

Он с фырканием крутит головой, как отряхивающееся от брызг животное, делает глубокий вдох и подходит к окну в надежде, что этим все и кончится, но нет, она заставляет его продолжать.

- Когда будете лететь, обратите внимание на детали, они не могут быть плодами простого забвения.

Габриель видит далеко внизу тротуар и мостовую, крыши машин, макушки пешеходов. Как ни убежден он, что все это ему снится, от холодка страха в груди никуда не деться.

- Так и будете сомневаться, пока не прыгнете, - подзадоривает его женщина.

Он еще колеблется, но нежелание пасовать у нее на глазах берет верх. Он забирается на подоконник, обуздывает головокружение и, широко раскинув руки, делает шаг в пустоту.

Он летит вниз, набирая скорость, сначала пытается считать этажи, потом зажмуривает глаза. Разжав веки, он убеждается, что так и не долетел до мостовой, а завис над улицей.

«Вот дерьмо!»

Это все, что приходит ему на ум в этот миг. Удивление, ужас, разочарование постепенно уступают место неведомой прежде свободе от силы тяжести, восторгу от способности летать, как птица.

Под ним движется земля. У него чувство, что он скользит в невесомости, не ощущая плотности воздуха. Описав петлю, он возвращается в окно медицинского кабинета.

Там, потрясенный, опьяненный, переполненный противоречивыми чувствами, он переводит дух. Ему хочется что-то сказать, но удается только выдавить из себя раз сто, хоть и с разными интонациями, то грубое и мало осмысленное восклицание, с которым он летел к земле.

Считается, что последнее слово, обычно приходящее на ум умирающему, – «мама». Слово, следующее за осознанием собственной смерти, начинается с той же буквы[2 - «Дерьмо» - merde (фр.)], правда, нежности в нем ни на грош.

За считанные секунды он проживает все семь стадий смертной скорби: шок, отрицание, ярость, торг, печаль, смирение, согласие. И каждая стадия отмечена одним и тем же неизменным словечком.

Молодая женщина перед ним тоже выглядит несколько оглушенной.

- Порядок? - спрашивает она.

- Проклятие! Как такое возможно? Неужели я по-настоящему умер?

Сначала он раздавлен в лепешку, потом снова проходит все семь стадий, но в другом порядке: ярость, отрицание, согласие, смирение, печаль, торг, шок.

- Так не бывает! Я еще слишком молод, чтобы умереть!

- Смотрите на вещи позитивно, мистер Уэллс. Ну, не знаю... Считайте, что вы избавились от всего лишнего, мешающего, ломкого и сохранили только главное - дух.

- Выходит, это все, конец?.. Я больше не смогу писать...

- В добрый час. Наконец-то до вас дошло.

Он в полной растерянности падает в кресло.

- Какой кошмар!

- Теперь все будет иначе.

- Я мертв, ну и ну! Мертвый, мертвый, мертвый! По-настоящему мертвый!

– Рано или поздно это происходит с каждым... С вами это случилось сегодня, сейчас, здесь. Меня это тоже настигнет. Позже, в другом месте. Я не тороплюсь.

Он рывком вскакивает и заглядывает в ее лицо, повернутое к окну. Только сейчас он понимает, что она с самого начала не смотрит ему в глаза.

– Но вы со мной разговариваете, хотя вы живая. Как так получается?

– Я немного отличаюсь от других...

– Отличаетесь?..

– Я медиум. Я могу вас слышать, но не видеть, потому на вас и не смотрю. Я даже не знаю, где вы сейчас находитесь, просто очень четко чувствую ваше присутствие в поле моего ближнего восприятия.

– Почему вы хотите мне помочь?

– Я стала медиумом благодаря вам, после чтения вашей книги «Мы, мертвецы». Впервые в жизни меня по-настоящему захватил роман, это стало откровением. Я закрыла книгу в уверенности, что нашла свой путь. Теперь я зарабатываю на жизнь разговорами с усопшими. Могу вам гарантировать, что в этом своеобразном профессиональном секторе рынок все больше процветает... В некотором смысле я тоже знаменитость. По крайней мере, в этом квартале.

– Как вас зовут?

– Люси. Люси Филиппини.

– Никогда не слышал это имя. Для медиума вы слишком молоды.

– Мне двадцать семь лет. Не пойму, какое отношение это имеет к возрасту.

– Я всегда думал, что медиумы – густо накрашенные, толстые старухи в черном, увешанные драгоценностями.

Выражение лица Люси внезапно меняется, как будто она заметила что-то неожиданное.

- Погодите, погодите... – бормочет она, щурясь.

- В чем дело?

- Повторите то, что только что сказали.

- ...толстые старухи в черном... – повторяет Габриель, не понимая, куда клонит Люси.

- Так и есть, мне не почудилось. У вашего голоса есть легкое эхо. Я знакома с этим явлением. Возможно, вы не полностью мертвы. Где вы живете?

- Прямо на этой улице, чуть подальше. Дом двадцать один. А что?

- Возможно, еще не поздно. Иногда остается шанс вмешаться и все изменить. Судя по вашему голосу, это как раз такой случай. Давайте проверим. Нельзя терять времени, скорее к вам!

Она пускается бегом, высоко подбрав цветастую юбку. Габриель бросается за ней следом, обуреваемый безумной надеждой, что он еще немного жив...

6

Им преграждает путь бронированная дубовая дверь квартиры Габриеля. Проблема: у него нет ключа. Он одет, в чем убеждается, оглядев себя с головы до ног, но карманов у него нет, а значит, нет при себе ни связки ключей, ни удостоверения личности, ни кошелька, ни смартфона. Ровным счетом ничего.

- Было бы хорошо, если бы у вас была привычка прятать ключ под половиком, – шепчет Люси. – Ну как?

- Вынужден вас огорчить. До этого момента мне не приходило в голову, что ключ понадобится в день моей смерти.

– Мотайте на ус для следующих жизней. Припрятанный где-то запасной ключ может пригодиться в исключительной ситуации. У вас есть план В?

– Что, если дождаться приходящую горничную? Судя по стрелке часов, Мария-Консепсьон скоро пожалует. Если нет, можно будет вызвать пожарных, чтобы выломали дверь.

– Неплохая мысль... Но сами вы можете пройти сквозь нее прямо сейчас, вы ведь нематериальный дух.

Габриель Уэллс спохватывается, что еще не обзавелся этим полезным рефлексом: двери остаются для него психологической преградой. Набравшись смелости и закрыв глаза – как будто из боязни повредить зрачки дубовой щепой и бронированным листом в двери, – он преодолевает преграду.

Он отдает должное своему умению проходить сквозь стены, а в следующую секунду наполняется торжеством: от духа, проникающего сквозь материю, ничего не укроется!

Попав к себе в квартиру, он торопится в спальню.

На кровати развалилось его тело. Оно лежит на животе, голова повернута вправо, глаза распахнуты, язык высунут.

«Вот, значит, какой я...» – неприязненно думает писатель, впервые увидевший себя со стороны.

Он разглядывает себя под углами, прежде недоступными даже при помощи зеркала: вот затылок, вот макушка...

Его посещает любопытная мысль.

Мы обращаем внимание на свое тело, только когда испытываем боль или физическое удовольствие. Врастающий ноготь напоминает о росте ногтей, гастроэнтерит – о существовании кишок; когда же не происходит ничего особенного, все это проходит мимо нашего внимания. А ведь иметь тело – это невероятно! Только сейчас, видя его во всей полноте, я отдаю себе отчет в том,

как мне везло, что у моего духа была эта оболочка».

Габриель подносит палец к своему глазу и протыкает его. Он трогает свой рот, преодолевает барьер зубов и языка. Он погружает руку в свой череп, потом резко, но бесшумно выдергивает ее из собственного мозга.

Он подносит эктоплазменное лицо к своему лицу из плоти и видит ресницы, суховатую роговицу, поры, неподвижные ноздри, тщетно пытается себя ощупать. Проникая под собственную кожу, где ему вздумается, он понимает, что теперь всем этим предстоит заняться живым.

Он возвращается к двери, за которой ждет молодая женщина-медиум.

– У меня открыты глаза. Похоже, я не дышу.

– Это ничего не значит. Я уже попыталась вызвать пожарных, но все номера заняты, надоело слушать автоответчик. Думаю, не вы один сегодня решили умереть. Что-то стряслось: может, покушение, может, сильный пожар, а может, слишком много кошек залезли на деревья и там застряли.

Приходится ждать горничную. Но Мария-Консепсьон, явившись, исполнена подозрений и не желает впускать в квартиру незнакомку. Той приходит на помощь Габриель Уэллс.

– Скажите ей, что вы из числа моих друзей и что забыли вчера у меня дома свой мобильник. Так уже бывало...

Люси следует инструкции, и горничная, преодолев свою недоверчивость, уступает, отпирает три сложных замка в толстой бронированной двери и скрывается в кухне.

При виде внушительной системы охранной сигнализации медиум говорит себе, что хозяин квартиры – слегка параноик. Ее взгляду открывается типичная для бульваров шикарных округов просторная квартира. В гостиной ее встречают черно-белые портреты голливудских звезд – Лиз Тейлор, Греты Гарбо, Одри Хепберн; но больше всего здесь крупных фотографий актрисы Хеди Ламарр в наряде принцессы.

– Она ваш главный идол? – интересуется Люси.

– Хеди Ламарр – красивейшая на свете женщина всех времен, – отвечает не терпящим возражений тоном Габриель Уэллс.

– Может, это с моей стороны самонадеянно, но у меня впечатление, что мы с ней похожи.

– Если не возражаете, у меня есть дела поважнее, чем гадание о сходстве. Быстрее, я здесь. Идите за мной.

Медиума разбирает любопытство, она не может не смотреть по сторонам. В библиотеке сотни книг с написанными от руки этикетками: здесь исторические фолианты и поваренные книги, мифология и древняя духовность, классическая поэзия и современный роман, юмор и научная фантастика, сборники фантастических рассказов, классическая драматургия, математические загадки, альбомы фотографий, книги по магии.

Габриель торопится, и она идет на его голос в спальню.

– Сюда! Скорее!

В коридоре Люси замечает фотографии современных французских актрис, некоторые с посвящениями и подписями: «В память о чудесном уик-энде с тобой, Габи», «Напиши мне сценарий, и я покажу тебе все, что умею», «Сделай из меня звезду», «Габи, на всю жизнь». И вокруг всей этой ерунды – сердечки и войлочные смайлики.

– Оказывается, вы светский человек!

Дальше высятся стеклянные шкафы с оружием – револьверами, кинжалами, всевозможными удавками, – сопровождаемым газетными статьями с описанием мест преступления, где был обнаружен этот арсенал.

– Это настоящие вещественные доказательства из залов суда? Вы их коллекционируете?

Вместо ответа Габриель упорно зовет ее за собой.

Вот и дверь спальни. Люси поворачивает ручку и входит. На скомканной перине красуется труп.

Присоединившаяся к ней горничная тоже видит безжизненное тело хозяина квартиры – распахнутые глаза, разинутый рот. У нее подкашиваются ноги, и она падает в обморок, растянувшись на полу.

Люси не тратит на нее времени. Она переворачивает тело писателя и щупает на запястье пульс.

Габриель замечает на ладонях своего трупа фиолетовые пятнышки. На курсах по криминологии он уяснил, что эти «точечные кровоизлияния» – признак отравления.

Люси припадает ухом к груди Габриеля и сообщает:

– Так и есть, я не ошиблась! Пульс совсем слабый, но он есть.

– Наверное, я в коме. Иными словами, меня еще можно спасти.

– Вероятно, еще можно что-то предпринять, но я позволю себе задать вам прямой вопрос: вы действительно хотите вернуться в эту телесную оболочку?

Габриель, таращась на свой труп, без колебания дает утвердительный ответ.

Люси звонит в «Скорую». Долго ждать не приходится. Один из санитаров наклоняется к простертой на полу Марии-Консепсьон.

– Лучше займитесь им, – подсказывает Люси, указывая на кровать.

Второй санитар быстро осматривает Габриеля и предлагает срочно везти его в больницу имени Помпиду.

Двое во флуоресцирующих оранжевых жилетах выносят тело на носилках, и «Скорая»[З - Сокращение от Service d'aide medicale urgente, Служба скорой медицинской помощи.], вращая мигалкой и завывая сиреной, срывается с места. Взволнованный Габриель размещается спереди, рядом с санитарями.

- Знаешь, как родители выбрали мне имя? - спрашивает тот, что справа. - Я родился в больнице SAMU, вот они и назвали меня Самюэлем. Мое будущее было предопределено.

Вскоре водителю приходится замедлить ход.

- По словам девушки, это знаменитый писатель, - говорит санитар коллеге. - Ты такого знаешь?

- Кажется, слышал это имя.

- Он, часом, не детский писатель?

- Вот-вот, у моего сына есть его книги. Если удастся его откачать, предъявлю сыну автограф - то-то порадуетя!

- Твой сын читает? Bravo! А мой нет. Честно говоря, я не подаю ему пример. Никогда не понимал, как у людей хватает терпения читать столько страниц подряд. Сиди сиднем, двигай одними глазами по бумаге с мелкими буквами... Ни тебе фотографий, ни картинок. А ты сам читаешь?

- Для этого я слишком устаю. Возвращаюсь с работы - и засыпаю прямо перед телевизором. Не стану морочить тебе голову, что засыпаю с книжкой в руках...

- Что ты смотришь?

- Медицинские сериалы: «Скорая помощь», «Анатомия страсти», «Доктор Хаус». А ты?

- Я предпочитаю полицейские сериалы, вроде «C.S.I.: Место преступления».

– Вообще-то во всех этих сериалах показывают то же самое, что мы видим день за днем: люди мрут, и не всегда банальной смертью. В жизни все так же. Мы на работе все время слышим обо всяких удивительных смертях!

– Из тех смертей, которые ты видел, какая была самой удивительной?

Разговор продолжается, дорога впереди постепенно расчищается. Слушая их, Габриель огорчается, что не может вмешаться, хотя в этот момент его жжет единственная мысль:

«Лишь бы они успели доехать и спасти меня!»

7. Энциклопедия: знаменитые необычные смерти

– Греческий драматург Эсхил погиб в 456 г. до н. э., когда хищная птица, приняв его голову за круглый гладкий камень, сбросила на него живую черепаху, чтобы разбить панцирь и полакомиться.

– Философ Хрисипп умер в 205 г. до н. э. на пиру. Увидав, как осел ест инжир прямо из корзины для привилегированных гостей, он так расхохотался, что насмерть задохнулся.

– В 1 веке н. э. сын римского императора Клавдия Друз насмерть подавился грушей, которую подбросил вверх и поймал ртом, чтобы позабавить друзей.

– В 1518 г. в Страсбурге часть населения охватила неодолимая тяга танцевать. Виноват в этом был грибок, спора ржи в зерновых амбарах. Этот грибок (входящий в состав наркотика ЛСД) оказывает мгновенное галлюциногенное действие. Не зная, как лечить зараженных, врачи установили посредине рыночной площади сцену, на которой можно было плясать, и позвали музыкантов. Больше 400 человек целый месяц плясали в бреду, умирая один за другим от сердечных приступов и от изнеможения.

– В 1567 г. бургомистр австрийского города Браунау Ганс Штейнингер умер от перелома шейных позвонков, наступив на собственную бороду длиной 1,4 метра.

– В 1599 г. бирманский король Нандабаин умер от приступа сумасшедшего хохота, вызванного известием о том, что город Венеция – республика, управляемая выборным собранием и обходящаяся без короля.

– В 1601 г. датский астроном Тихо Браге, основоположник современной астрономии, ехал на карете вместе с императором Рудольфом II. Он был так горд этой честью и так пылко объяснял ему движение планет, что не посмел попросить об остановке для опорожнения мочевого пузыря. От отравления крови собственной мочой наступила смерть.

– В 1687 г. Жан-Батист Люлли, официальный придворный композитор Людовика XIV, случайно ушиб себе ногу тростью, которой отбивал ритм при исполнении торжественного гимна в честь выздоровления монарха после сильного гриппа. Развилась гангрена, закончившаяся смертью.

– В 1753 г. аббата Прево, автора романа «Манон Леско», нашли у подножия статуи распятого Христа. Судебно-медицинский эксперт вскрыл ему грудную клетку, чтобы определить причину смерти, и тут писатель открыл глаза, издал громкий крик и скончался, став жертвой вскрытия.

– В 1864 г. Джордж Буль, математик и создатель «алгебры Буля», простудился. Его супруга Мэри, поклонница новомодной гомеопатии с ее принципом «лечения подобного подобным», с целью исцеления поливала больного ледяной водой. В тот же вечер он скончался от пневмонии.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том XII

8

Люси мчится в своем электрическом «смарте» следом за «Скорой», стараясь не отставать. Внезапно в машине раздается голос:

– Можно мне побыть с вами, мадемуазель? Предпочитаю беседовать с вами, а не с санитарями. С ними я с ума сойду: терпеть не могу, когда нельзя встрять в чужой разговор. Вы, по крайней мере, меня слышите.

Но вскоре ей приходится остановиться, застряв в новом заторе.

- Почему не поехать по тротуару? - кипятится писатель.

- Тротуар для пешеходов. И вообще, нервничать нет смысла. Это вы, а не мы, умеете проникать сквозь материю. Мы застряли.

- Или, допустим, вертолет... - ворчит Габриель, но быстро берет себя в руки. - Извините, дал волю чувствам... Мне с вами повезло. Вот только не пойму, почему вы мне помогаете, мадемуазель Филиппины.

- Я уже говорила, ваша книга изменила мою жизнь.

- «Мы, мертвецы»? Кстати, она провалилась на рынке! Издатель сбыл только десятую часть тиража, все остальное пришлось пустить под нож. Книга провела на витринах книжных магазинов не больше недели. Никто не сказал и не написал о ней ни словечка. Так гибнут книги, не находящие своего читателя.

- Вашу книгу прочла я. И теперь, лучше познакомившись с невидимым миром, я могу проверить содержащуюся в ней информацию. Кое-что вы говорите верно, но много и неточностей.

«Смарт» по-прежнему не двигается с места. Злобные гудки других застрявших заглушают сирену «Скорой помощи». Кое-кто пробует опасно маневрировать, но только усугубляет этим хаос.

- Начнем с самых важных. У вас сказано, что после смерти девяносто процентов душ ждет перевоплощение, а десять процентов становятся, так сказать, блуждающими - категория, к которой, по вашему утверждению, относятся самоубийцы и те, кто еще слишком привязан к своему прошлому.

- Я нашел это соотношение в двух «Книгах мертвых» - тибетской и египетской.

- На самом деле все обстоит ровно наоборот.

- Вы уверены?

– Это логично! Просто потому, что большинство людей ностальгирует, как вы, по своей «телесной оболочке» и по легенде, которую построили вокруг собственной личности. Существует крылатая фраза, резюмирующая эту ситуацию: «Каждый находится в плену истории, которую рассказывает себе о себе самом». Мы так любим собственное прошлое, что не готовы разом от него отказаться и зажить новой жизнью, которая, как мы подозреваем, будет менее интересной, чем прежняя.

– Что-то в этом роде происходило с некоторыми моими романами, с которыми мне не хотелось расставаться. Мне было уютно с их героями, некоторые почти стали моими друзьями.

– Значит, вам понятен застой девяноста процентов блуждающих душ, сохраняющих привязанность к своему прежнему «я».

– Да. Признаться, сочиняя истории, я отношусь к собственному прошлому как к роману. Готов выслушать все, что вы можете мне сказать.

– Вам полезно знать о свойствах блуждающих душ. Думаю, с кое-какими из них вы уже познакомились, тем не менее я перечислю их все по своему списку. Начнем с достоинств:

1. Отсутствие физических страданий.

2. Отсутствие болезней.

3. Отсутствие усталости.

4. Нет необходимости есть.

5. Нет необходимости спать.

6. Никакого старения.

7. Никакого страха смерти.

8. Возможность красть (и летать).

9. Способность проходить сквозь материю.

10. Способность видеть и слышать все, что хочется и где хочется (не считая бесплатного посещения кинотеатров, концертных залов и музеев).

11. Возможность выбирать себе внешность и облачение.

12. Возможность дискутировать с другими блуждающими душами.

13. Возможность быть услышанным и воздействовать на тех живых, кто не полностью «непроницаем» из-за брешей в их ауре: наркоманов, алкоголиков, шизофреников. К этому мы еще вернемся.

14. Вас видят и слышат кошки.

15. Вы можете разговаривать с медиумами – по крайней мере, с хорошими...

– А как насчет неудобств?

Она перечисляет:

1. Прощай, осязание.

2. Прощай, ощущение вкуса.

3. Обоняния тоже не будет.

4. Как и сна, а с ним сновидений.

5. Вас больше не смогут видеть живые люди.

6. Исчезает контакт с материей. Нельзя сесть на стул или улечься в кровать, ощущая их. Как будто мелочь, но со временем этого ощущения начинает не хватать.

7. Со способностью заниматься любовью тоже придется проститься.
8. Как и с обладанием, держанием, ношением любых предметов.
9. Вы больше не увидите себя в зеркале (это быстро начинает действовать на нервы).
10. Пользоваться компьютером больше не придется.
11. Следовательно, больше никаких романов – ручку-то держать нельзя. Представляю, как вы будете без этого скучать.

– Прямо как в фильме девяностых годов «Привидение»?

– Примерно, только в этом фильме ошибок еще больше, чем в вашем романе. Например, в конце призрак Патрика Суэйзи воздействует на материю и колотит своего соперника. Так он превращается в «человека-невидимку», и победу над противниками нельзя считать его заслугой. На самом же деле блуждающие души лишены способности к чему-либо прикоснуться, что-либо переместить. Они просто через все проходят.

– Значит, ни дверцу шкафа открыть, ни оконными петлями поскрипеть, ни дверями похлопать, ни часами в замке с привидениями позвенеть?

– Все это – упрямо не сдающиеся клише, противоречащие главному правилу: покинувший тело дух никак не может взаимодействовать с материей. Максимум, что ему доступно, – повлиять на другой дух. Помните, тела защищены своей аурой, точно так же атмосфера защищает Землю от метеоритов и солнечной радиации. Доступны, то есть восприимчивы, только те, у кого дыры в ауре.

Затор наконец рассосался, «Скорая» снова движется вперед, «смарт» пристраивается ей в хвост, но между ними норовят вклиниться другие машины.

– В вашем романе мне очень понравилась «Энциклопедия относительного и абсолютного знания» Эдмонда Уэллса. Как вам пришла мысль вставить в книгу столько информации?

– «Профессор Эдмонд Уэллс» – мой двоюродный дедушка. Он давно в могиле. Он и вправду составил собственную энциклопедию, которую завещал моей семье, и однажды я взялся ее читать. «Почему бы не поделиться этими малоизвестными сведениями?» – решил я.

– Кем был ваш двоюродный дед по профессии?

– Энтомологом, специалистом по муравьям, а еще биологом, философом, историком. Свою странную энциклопедию он называл ЭОАЗ – сокращение от «Энциклопедия относительного и абсолютного знания». Она не издавалась, но мои родители всегда пользовались ею как семейным справочником. Ну а я черпал оттуда полезные штучки для своих романов.

– Он интересовался спиритизмом?

– У Эдмонда Уэллса была беда с памятью, поэтому он записывал все, что считал небанальным. Он увлекался далеко не только смертью, пусть и могло показаться, что его очень занимает загробная жизнь. Лично я сосредоточился на двенадцатом томе, там все больше о духовном.

– Что ж, – отзывается она, – смерть, бесспорно, величайшая загадка всех времен.

Эти ее слова вдруг напоминают Габриелю, что у него еще есть небольшая надежда задержаться среди живых...

9

В больнице Помпиду Люси не позволяют сопровождать бригаду медиков в операционную, потом в реанимационную. Там бледное тело Габриеля Уэллса пытаются оживить электрическими разрядами и инъекциями адреналина прямо в грудь, но оно не реагирует ни на какие попытки.

– Ничего не выйдет... – бормочет один из врачей.

– Нет, продолжайте, не дайте мне умереть! – тщетно кричит писатель.

– Надо еще попробовать, – возражает второй человек в белом халате – можно подумать, что он услышал эту безмолвную мольбу.

– Bravo! Правильное решение! Так бы и обнял!

Врачи продолжают старания, но не надеются на успех.

– Уверяю тебя, с ним покончено. Мы зря тратим время и деньги налогоплательщиков.

– Вы мне это бросьте, поднажмите еще!

– Нет ни малейшего шанса, что мы его откачаем...

– Давай добавим току, шарахнем максимальным разрядом. Если и это ничего не даст, то я угощу тебя кофе и кексиком, прежде чем мы займемся следующим бедолагой.

Электрический разряд снова, но ни малейшей реакции. Так брэнная оболочка Габриеля Уэллса окончательно выходит из употребления.

«Все, кранты, со мной покончено», – думает писатель. «Что я сделал со своей жизнью?» – вот вопрос, который сейчас больше всего его мучает.

В 42 года, достигнув финальной главы своего существования, он обязан подвести его итог.

«Я сделал недостаточно. Конечно, я писал романы, но мог бы накопать их вдвое больше, если бы меньше лентяйничал. Два романа в год – вот мой естественный ритм, но я сократил его до одного, знал, что выпекать их, как пирожки, – несерьезное занятие.

Надо было побороться за перевод моих книг в Соединенных Штатах, за адаптацию моих романов для кинематографа. Надо было участвовать в заседаниях писательских мастерских, объяснять, как я изготавливаю свои истории.

Можно было больше путешествовать. Почему я так и не побывал в Австралии, ведь попасть туда всегда было моей мечтой?

Жизнь прошла стороной, а все потому, что я воображал, будто времени у меня вагон. А тут – раз, и все! Оказывается, я недопустимо тянул с важными вещами.

Почему я был недостаточно внимателен к родителям? Почему перебирал женщин, вместо того чтобы остановиться на одной? Почему так и не женился? Все ждал идеала и не мог отказаться от удовольствий новизны. Боялся обязанностей и ответственности.

Почему я не завел детей? Сознавал, что придется тратить на их образование, боялся оказаться плохим отцом.

И вот теперь я умер, и у меня впечатление, что жизнь я прожил зря.

Только и слышишь: «Если бы молодость умела, если бы старость могла...» К этому стоило бы добавить: «Если бы мертвые могли прожить еще немного, пользуясь тем, что поняли в свои последние мгновения...»

Если бы криворукие реаниматоры добились успеха, то я бы женился на первой же женщине, которая захотела бы за меня выйти, тут же заделал бы ей ребенка, потом мы отправились бы в кругосветное путешествие, и я написал бы в три раза больше книг!

Какая трагедия – умереть молодым!»

Реаниматоров сменяют санитары. Они раздевают тело, переворачивают его.

– Знаешь, почему похоронщиков называют croque-mort[4 - «Клюющие мертвых» (фр.)]? – спрашивает один другого. – В былые времена труп кусали за артерию, чтобы убедиться, что это мертвец, а не спящий.

– Валяй укуси этого, проверь, достаточно ли он окоченел.

Один из санитаров по неуклюжести роняет труп. Падение телесной оболочки сопровождается глухим стуком, как будто упал мешок с мясом.

- Осторожнее!

- Да ладно, что ему сделается?

При виде своей голой спины Габриель Уэллс замечает новые тревожные признаки.

- Эй, куда глядите? Не видите, что ли, эти подозрительные пятна? Нужно вскрытие! - кричит писатель, парящий под потолком.

Но живые не могут его слышать, санитары уже запихивают его тело в чехол, скоро его поместят в ячейку холодильника.

Он мысленно составляет список:

Улика номер один: точечные фиолетовые кровоизлияния на ладонях.

Улика номер два: большие круглые фиолетовые пятна на спине.

Габриель находит Люси в зале ожидания, она терпеливо сидит, закрыв глаза.

- Нашли время спать, мадемуазель! Все, я окончательно умер. На своей спине я видел типичные для отравления пятна. Нужно срочно делать вскрытие!

Люси медленно поднимает веки:

- Никогда меня не беспокойте, когда видите, что я закрыла глаза.

- Но...

- Никаких «но». Вы понятия не имеете, что прервали.

- Сиесту?

- Нет, подавление помех. Позже объясню. Так что вы говорили?

– Хочу вскрытие. Сначала пятнышки на ладонях, потом большие пятна на спине – то и другое явно указывает на отравление. Нужно обязательно сделать вскрытие и проверить. Умоляю, Люси, сделайте это для меня!

Женщина вздыхает, встает и занимает место в очереди к окошечку с надписью «Претензии/спорные вопросы». После долгого ожидания она получает от полной дамы ответ:

– Такие требования мы принимаем только от близких родственников. Вы близкая родственница?

– Нет, просто... знакомая.

– В таком случае...

– Вот мой брат! – кричит писатель.

Действительно, быстро шагающий нервный мужчина в шикарном пальто спрашивает про Габриеля Уэллса.

– Вы же с ним близнецы! Почему вы не говорили мне, что у вас есть брат-близнец? – недовольно шепчет Люси.

Глядя на него вблизи, она узнает круглое лицо с обложек романов Габриеля, нос с кругляшом на кончике, тонкие губы, коротко подстриженные каштановые волосы.

– Верно, мы с Тома близнецы, – подтверждает Габриель. – Внешне у нас с ним полное сходство, но психологически мы – антиподы.

Брат писателя узнает у сотрудницы, куда идти. Люси хочет его задержать, но Габриель не позволяет.

– Подождите! Пускай Тома сперва преодолеет шок от моей смерти, после этого будет проще его уговорить.

Он следует за братом, который мечется по больнице, пока не добирается до морга. Там для него с лязгом выдвигают ящик с телом Габриеля.

Тома Уэллс наклоняется и целует тело своего умершего брата-близнеца. Слияние затягивается. Наконец он выпрямляется.

- Да, это он, - произносит Тома.

Судебно-медицинский эксперт просит Тома заполнить бланк опознания и поставить внизу подпись. Тома смахивает слезу и принимается строчить. Потом, выйдя из больницы, он достает из кармана телефон. Со стоянки он звонит родителям и сообщает им печальное известие.

Люси подходит и останавливается перед ним.

- Тома Уэллс?

Тот, не обращая на нее никакого внимания, неприязненно бросает:

- Неудачный момент.

- Я должна сообщить вам нечто крайне важное о вашем брате.

- Кто вы такая, что вам от меня нужно?

- Необходимо потребовать вскрытие.

Она добилась от него интереса: он впервые смотрит на нее.

- Вы не сказали, кто вы такая, мадемуазель...

- Знакомая, близкая знакомая.

- Его последняя возлюбленная? Я должен был догадаться, вы - женщина как раз в его вкусе.

- Просто знакомая, но...

- Я бы вас попросил... Я хочу побыть один.

- Мне совестно к вам приставать, но дело в том, что Габриель сказал, то есть говорил мне, что в случае его смерти он хотел, чтобы провели вскрытие.

- Что за странная идея! С какой стати?

- Скажите ему, что у меня были веские основания опасаться убийства, - подсказывает Габриель.

- В общем... Он считал, что его хотят убить.

- Скажите ему, что я получал письма с угрозами.

- Он получал письма с угрозами... Он знал, что кто-то намерен его устранить, - импровизирует она.

- Знаю я, кто он, этот «кто-то», - фыркает Тома.

- Вот как? Кто же?

- Правильнее спросить, что. Его сердце.

- В каком смысле?

- У Габриеля были серьезные проблемы с сердцем: коронарная артерия была на семьдесят пять процентов перекрыта холестериновой бляшкой, он показывал мне рентгеновский снимок. Надо было сделать шунтирование, но он боялся операции на открытом сердце и предпочитал слушаться доброго доктора Лангмана, который, по моему скромному мнению, всегда слишком оптимистичен. Тот советовал ему по сорок пять минут в день заниматься спортом, поэтому Габриель заделался спорт-сменом. Принимал по рекомендации этого же врача по 0,85 миллиграмма аспирина в день. Вот и результат. Это все не шутки. Надо было решиться на операцию, принимать лекарства от холестерина. С серьезными недугами не борются кое-как. Но нет, мой братец решил

прислушаться к советам своего дружка. Слепая доверчивость дорого ему обошлась. Между прочим, я его предупреждал. Так что забудьте о преступлениях, угрозах, тайных недругах. Банальный сердечный приступ, такое случается сплошь и рядом.

– Прошу вас, Люси, не отставайте, настаивайте! – молит Габриель. – Выдумайте что-нибудь. Надо его убедить потребовать вскрытия.

– Уверяю вас, он получал угрозы, его обещали убить. Напрасно вы отмахиваетесь!

– Мне неприятно вам об этом говорить, но Габриель был запущенным параноиком. Между прочим, среди авторов детективов это распространенное явление. Он придумывал всякие преступления, заговоры, покушения, короче, все, что служило сырьем для его работы. Понятная профессиональная деформация. Беда в том, что в конце концов он сам стал верить в свои бредни. В этом заключалось главное различие между нами: он жил в грезах, я – на грешной земле. Реальность такова, что у него забило коронарную артерию, что вызвало инфаркт во сне. Это так же реально, как то, что мертвеца пожирают черви (правда, в наше время труп кладут в герметически закрытый гроб. Похоже, гниения не происходит благодаря обилию в пище современного человека консервантов, антибиотиков и металлов). Как видите, истина остается плачевной. Хотя, если подумать, было бы гигиеничнее его кремировать.

– Нет! – вопит Габриель. – Никакой кремации! Только вскрытие! Надо любой ценой его убедить.

Люси делает глубокий вдох и выпаливает:

– Я его медиум.

Видно, что Тома Уэллс сильно удивлен. Он долго на нее смотрит, гадая, шутка это или правда. Ему смешно, но из приличия он сохраняет серьезность.

– Я не такой, как мой брат, – отвечает он наконец. – Я настоящий ученый и не верю в весь этот вздор.

Габриель в бешенстве.

- Не брат, а само самодовольство! Дать ему волю, он оставит от меня горстку пепла, а ведь мое тело - кладезь улик!

- Я медиум, Габриель говорит со мной. Он - ну, то есть его дух - категорически против кремации.

Тома приподнимает правую бровь:

- Вы хотите сказать, что прямо сейчас слышите его голос?

Она медленно кивает.

- И он просит вас со мной говорить?

- Вот именно.

- Это абсурд!

- Тем не менее так оно и есть.

- Для вас. Я на эти штучки не клюну. Люди вашего пошиба наживаются на чужой наивности. Вы не представляете, сколько зла сеете, распространяя свою ложь.

- Никакая это не... - пытается возмутиться Люси.

- Я не только убежденный картезианец, но и, следуя за моим святым покровителем Фомой, верю только тому, что вижу. Даже в детстве я не верил в Пер-Ноэля, в Старика-с-розгами, в мышку, махнувшую хвостиком, и в прочую белиберду.

- Вам придется меня выслушать, потому что...

- Я не верю в привидения, в Бога, в черта, в ангелов. Не верю в рай, в ад, в загробную жизнь, в переселение душ. Не верю в инопланетян, в фей, в домовых,

в гномов, не верю гороскопам, картам таро, астрологам, гомеопатам, биоэнергетикам, гадалкам, даже графологам и психоаналитикам, так что медиумы, якшающиеся с мертвыми, и подавно вызывают у меня хохот.

- Вы...

- Я ученый. Я верю в эксперимент, часто приносящий восхитительные результаты. Этот мир – всего-навсего то, что мы видим: им правят неоспоримые законы физики и биологии. Во всем этом нет ни капли сверхъестественного. Суеверие – плод невежества, некоторым необходимо придумывать невесть что, верить в собственные измышления, так им надежнее, они, бедняги, боятся смерти. Но от фактов никуда не денешься. Они – известная, проверяемая и не подлежащая оспариванию истина. Факты эти таковы: человек рождается, вырастает, умирает, разлагается, превращается в прах, и в конце концов весь мир забывает, что он был на свете. И очень хорошо! Нечего отягощать планету своим присутствием. Единственное из сферы волшебства, что у нас остается, – это мечта, и ее вполне достаточно: стоит только закрыть глаза. Кстати, это нам ничего не стоит.

Люси открывает рот, но собеседник так упрям и глядит на нее с такой насмешкой, что она не находит чем ему возразить.

- Послушайте, милая, вы очаровательны, поверьте... Вам повезло: вы зарабатываете на жизнь, причем неплохо, особенно не утруждаясь, пользуясь доверчивостью недоумков. Но имейте по крайней мере уважение к этому трудному для меня моменту – смерти брата-близнеца.

В голове у Люси вертится столько слов, что они застревают в горле. Вместо уговоров она горестно вздыхает, отворачивается от Тома и решительным шагом идет прочь. Габриель спешит за ней.

- Очень вас прошу, мадемуазель Филипини, не опускайте руки так быстро! Сделайте что-нибудь! Не надо меня сжигать, мне необходимо вскрытие!

Она не отвечает.

- Мой брат – самовлюбленный кретин.

Она ускоряет шаг.

– Не обрекайте меня на этот ужас, умоляю! Я впервые умер и еще не разбираюсь, как быть.

Она уже дошла до своей машины, тронулась с места и выезжает с больничной стоянки.

– Пожалейте отчаявшегося мертвеца, которому нужно выяснить причину своей смерти!

Она упрямо закусывает губу.

– Прекратите строить из себя жертву!

– Строить жертву?! Меня убили! Хотеть узнать больше совершенно естественно!

– У каждого свои маленькие проблемы, это не повод донимать ими окружающих. Вообразите, что будет, если все жертвы убийств вздумают выяснить, как с ними расправились! Хотите знать правду? Это болезненное любопытство, больше ничего.

Она нажимает на клаксон, спугивая другую опасно маневрирующую машину. Габриель Уэллс, чувствуя ее раздражение, больше не смеет ей докучать. Но его по-прежнему сверлит вопрос, с которого он собирался начать свой роман и который с тех пор не дает ему покоя:

Почему я мертв?

10

Оказывается, молодая женщина-медиум живет в сотнях метров от дома Габриеля Уэллса, в особняке, смахивающем на кукольный домик. В витой чугунной ограде угадываются сказочные сюжеты, калитка открывается в садик, где растут фруктовые деревья и зеленеют овощные грядки. Кирпичный фасад дома затянут плющом, из каминной трубы на крыше поднимается дымок.

Внутри изящно расхаживает дюжина кошек. Одна подкрадывается к писателю, напрягая дрожащие острые ушки.

- Она меня видит? - удивляется Габриель.

- Мяу, - отвечает вместо хозяйки сама кошка.

Над камином висит фотография в рамке, на ней пара на фоне заката. Это сама Люси в бикини, при ней загорелый мужчина с накачанными бицепсами и безупречно плоским животом. Пара нежно обнимается.

Рядом другие фотографии той же пары. Она позирует в райских кущах, на белоснежных пляжах, среди кокосовых пальм и зарослей бамбука, то обнимаясь, то нежно глядя друг на друга.

Люси накладывает кошкам еды, и они бегут к кормушкам с задранными, как антенны, хвостами. Некоторые благодарно трутся о лодыжки своей хозяйки.

В углу гостиной разместились гимнастические тренажеры, над ними красуется плакат: «Ублажай свое тело, чтобы душе хотелось в нем остаться».

Люси садится по-турецки на круглую подушку и закрывает глаза. Над ее головой прорезается канал света.

Габриель различает под потолком круговерть блуждающих душ. Они проникают в тело Люси через поясницу, взбираются по позвоночнику до макушки и там втягиваются в луч света, играющий роль лифта.

Когда в окрестностях не остается ни одной, Люси размыкает веки, делает несколько вдохов и выдохов и трясет ладонями, как будто смахивает с них капли воды.

- Осмелюсь спросить, что это за странный ритуал? - осторожно произносит он.

- В больнице целая стая метущихся душ. Они заметили меня и пожелали, чтобы я помогла им «вознестись».

– Как вы это делаете?

– Я получаю предложения моей Иерархии.

– Вашей Иерархии?..

– Это, так сказать, возвышенные души, живущие над блуждающими, но не покидающие наш нижний мир, чтобы следить за происходящим на Земле.

Вымыв в ванной лицо и руки, молодая женщина-медиум, глядя кошку, приступает к объяснениям:

– Вы находитесь на первом уровне, называемом «Нижний Астрал». Выше расположен «Средний Астрал», над ним – «Верхний Астрал». Моя Иерархия сообщает о зародышах, пригодных для блуждающих душ, чувствующих готовность к перевоплощению. Обычно она предлагает мне «выгодные сделки». Многие это знают, поэтому, почувствовав мое присутствие, торопятся ко мне. Но некоторые блуждающие души проявляют строптивость. Иерархия требует, чтобы я переломила их упрямство. Иногда у меня получается, иногда я терплю неудачу. Бывает, я провожаю блуждающую душу до тоннеля света, ведущего к перевоплощению, но в последний момент она проявляет нежелание двигаться дальше и поворачивает назад.

Она пожимает плечами и продолжает:

– Это жесткое правило: дух сохраняет свободу воли. Я должна его убедить, поэтому необходима Иерархия для ведения дипломатических переговоров с колеблющимися.

Люси удаляется в свою кухню в сельском стиле, с деревянной мебелью, и возвращается с целым подносом таблеток, порошков и сиропов.

– Это еще что такое?

– Витамины, микроэлементы, эфирные масла, гомеопатия.

– Арсенал ипохондрика! Понятно, что? привело вас к врачу.

– Я ценю привилегию оставаться в живых и очень стараюсь, чтобы это дольше продлилось. Если вы называете это ипохондрией – ваше дело. Только не забывайте, до чего вас довело наплевательское отношение к собственному здоровью...

Люси приступает к приготовлению салата. Она нюхает овощи, потом моет их, мелко режет и располагает в тарелке в замысловатом порядке. К этой композиции добавляются зерна люцерны, все посыпается толченым кунжутом и сдабривается ореховым маслом.

– Знаю, вы ничего не чувствуете и лишились желания и даже потребности в пище, но я другая. К тому же нахождение в таком «заряженном» месте заставляет все время «подавлять помехи», отсюда постоянное чувство голода.

Она с явным удовольствием ест свой салат, громко хрустя.

Габриель Уэллс, паря над молодой женщиной, наблюдает, как она жует, глотает, иногда давится. Ему кажется, что все это осталось далеко в прошлом, его мучает ностальгия.

Дождавшись, пока она насытится, он возобновляет беседу:

– Я не прочь побольше узнать о мире Нижнего, Среднего и Верхнего Астрала.

Резкий звонок в дверь безжалостно прерывает их разговор.

– Глядите-ка, явился раньше времени, – удивленно бросает Люси.

– Кто это? Вы кого-то ждете?

– Ваша каждодневная работа – сочинять истории, моя – выслушивать их. Увы, при всей моей любви к вашим книгам я не могу посвятить вам все свое время. Вынуждена вас покинуть, здесь мой первый на сегодня клиент. Знаю, вас не выставить. Если хотите присутствовать при приеме, я бы попросила вас уважать мой труд и ни в коем случае не вмешиваться. Договорились?

Габриель вертится вокруг нее:

– Собственно, я не имею ни малейшего представления о вашей работе. Ужасно интересно узнать, что это такое. Уж не продолжает ли ваше ремесло дело сестер Фокс?

11. Энциклопедия: сестры Фокс

Три дочери пастора Фокса, основоположницы современного спиритуализма.

Свое призвание они обрели в марте 1848 г. в Гайдсвилле, штат Нью-Йорк, где младшие, 12-летняя Кейт и 15-летняя Маргарет, по их словам, как-то раз услышали стук в подвале их дома, уже пользовавшегося дурной славой.

Они объяснили, что установили связь с мертвецом, прозванным ими «Сплитфутом» («Расщепленная Нога»), отвечавшим «да» или «нет», когда они показывали на буквы алфавита на листочке. Блуждающая душа именовалась якобы Чарльзом Б. Росмой, так звали разносчика, убитого пятью годами раньше. По его словам, убийца спрятал труп в подвале дома, где теперь жила семья Фокс.

Говорят, что взрослые, которых сестры Фокс уговорили обыскать подвал, нашли там волосы и обломки костей, признанные экспертизой человеческими. Дело наделало шума и прославило сестер Фокс.

Старшая, Лия, устроила им турне по США, собиравшее все более внушительные толпы. Многие видные люди того времени становились их приверженцами. Сотни, а потом тысячи поклонников сестер Фокс тоже якобы заговорили с мертвыми. Пошла мода на столоверчение и на «говорящую доску» Уиджа с буквами алфавита, позволявшую умершим отвечать на вопросы. В 1852 г. в одних США насчитывалось уже 3 миллиона официальных спиритуалистов.

Явление с быстротой молнии распространилось на Англию (этому поспособствовал создатель Шерлока Холмса Конан Дойл), Францию (при помощи Виктора Гюго и Аллана Кардека, основателя спиритизма), Россию (благодаря Распутину) и Южную Америку.

Три сестрицы Фокс зарабатывали каждым своим выступлением огромные деньги. В 1852 г. Кейт вышла в Англии замуж за богатого адвоката, уговорившего ее показаться английскому специалисту, выводившему на чистую воду мошенников с паранормальной нивы, – Уильяму Круксу. Тот побывал на сеансе и засвидетельствовал отсутствие какой-либо возможности обмана.

Маргарет тогда же вышла за геолога, умершего спустя пять лет в экспедиции и оставившего ее безутешной вдовой. Горе она заливала выпивкой.

Через несколько месяцев скончался и муж Кейт, после чего та тоже впала в алкоголизм.

Младшие сестры, теперь беспросветные пьянчужки, поссорились со старшей, Лией, возглавившей движение спиритов, приобретшее всемирный масштаб. Желая ей напакостить, Кейт и Маргарет решили открыть с нью-йоркской сцены всю правду: стуки, обозначавшие «да» или «нет» и исходившие якобы от духов, на самом деле производились самими сестрами, щелкавшими суставом большого пальца ноги в туфле. В доказательство своих откровений они продемонстрировали свой трюк перед врачом и признались, что Лия заставляла их выступать с единственной целью – обогащения.

Рационалисты ликовали, но движение спиритов уже слишком разрослось, чтобы это разоблачение могло с ним покончить; его адепты принялись утверждать, что признание вырвали у сестер угрозами. Кейт и Маргарет еще пуще запили и обнищали. Маргарет, правда, попыталась возобновить свою карьеру и, вернувшись на сцену, снова стала утверждать, что обладает необыкновенными способностями. Однако вызванный этим возрождением интерес быстро сошел на нет, и она умерла в 1893 г., всего через несколько месяцев после кончины своей сестры Кейт, в возрасте 55 лет, в непролазной нужде.

В 1904 г., через 11 лет после их смерти, дети, игравшие в подвале дома в Гайдсвилле, обнаружили за стенкой человеческий скелет. История наделала много шума и придала всемирному движению спиритов второе дыхание.

Первый клиент Люси – внушительный господин в безукоризненной «тройке». Его сопровождает высоченная собака породы афганская борзая. У хозяина и у питомца одинаковый скомканный волосяной покров бежевого окраса, одинаковые длинные и худые ноги, похожи они и блеском глаз, и странноватым видом. Хозяин отличается разве что перстнями на всех пальцах.

Он падает в кресло, словно полностью лишился сил.

– Меня зовут Уильям Кларк. Я англичанин, я купил замок Мериныйяк. Там живет привидение, я чувствую его враждебное присутствие, особенно по ночам: оно регулярно нарушает мой сон, и я раз за разом бужу жену. Это начинает сказываться на наших отношениях. Даже моя собака – и та нервничает.

Собака зевает.

– Вы – наша последняя надежда.

Клиент излагает свою проблему таким тоном, словно речь идет о борьбе с крысами или муравьями. Он уточняет:

– Я уже обращался к священнику, занимающемуся в епископстве экзорцизмом, но это не помогло. Мне сказали, что в этом деле нет никого лучше вас. Друзья, прибегавшие к вашим услугам, остались очень довольны. Похоже, только вы умеете по-настоящему разговаривать с мертвецами. Умоляю, избавьте меня от этой напасти!

Люси кивает и зажмуривается. Вызов бесплотного существа – процесс из нескольких этапов. Наконец оно появляется – худосочная, немного женоподобная эктоплазма в изысканном облачении.

– Вы – привидение из замка? – обращается к нему Люси.

– Барон де Мериныйяк, семнадцатый носитель титула, счастливый владелец замка, – сухо представляется он.

– Новый собственник хочет, чтобы вы убралась. Он говорит, что теперь это его земли.

– Какое бессовестное утверждение! Вот уже восемьсот лет, на протяжении семнадцати поколений, моя семья живет в этом замке, передавая его от отца к сыну. По чистой случайности последний отпрыск, к тому же незаконнорожденный, пристрастился к покеру и проиграл доставшееся ему наследство. Не может быть даже речи о том, чтобы чужестранец, не имеющий даже косвенного отношения к нашей семье, похитил у меня мой замок. Скажите ему, что это ему положено по моей воле как можно быстрее убраться, в противном случае ему не избежать бед.

Габриель замечает, что у Люси дрожит левое веко, что, скорее всего, означает: «Чувствую, это непростое дельце». Она кашляет в кулак и поднимает на клиента глаза.

– Что ж, месье Кларк, по вашей просьбе я вызвала привидение, обитающее на ваших землях. Оно согласилось говорить со мной, а значит, с вами. Оно настаивает, что оно – барон Мериныйк и что замок – его родной дом, потому что принадлежит его семье уже семь поколений...

– Не семь, мадемуазель, а семнадцать, нельзя ли быть повнимательнее?

– Прошу прощения, семнадцать поколений. Поэтому он не желает уходить. Наоборот, его горячее желание – чтобы исчезли вы.

– Я приобрел этот замок на деньги, заработанные годами тяжелого труда в сфере финансов. У меня на руках все юридические документы. Он принадлежит мне по праву.

Прозрачный аристократ, висящий под потолком, пожимает плечами.

– Это всего-навсего испачканные чернилами бумажки. Я же выступаю, украшенный семейным гербом, от имени Истории с ее несчетными драмами; вы представить себе не можете, что творилось в этом замке! Моя прабабка умерла при родах на той самой кровати, которую этот олух вознамерился превратить в бар с крепкими напитками. Мой дед палил во фрицев из ружья из окна второго этажа, которое этот новый собственник задумал замуровать. Я уж не говорю о

столетнем дубе, который он собрался спилить, чтобы вырыть на его месте бассейн! Этот человек не только вор, но и варвар без капли уважения к историческому наследию нашей страны. О том, чтобы уступить ему наши владения, не может быть речи. Ко всему прочему, он – англичанин, пожиратель вареной говядины с мятным соусом. Не удивлюсь, если он окажется потомком негодяев, в битве при Азиркуре трусливо осыпавших стрелами французских рыцарей, к которым принадлежал самый давний мой предок.

– Ну что, понял он, что придется оставить меня в покое? – нетерпеливо осведомляется клиент.

Люси наклоняется к нему и шепчет, как будто стараясь, чтобы ее не услышал аристократический призрак:

– Ответ барона де Мериньяка сводится к тому, что факт уплаты денег агентству недвижимости не придает никакой законной силы вашему обладанию этим именем.

– Но оно мое! – восклицает живой.

– Нет, мое!

– Пусть привидение проваливает!

– Пусть даже не мечтает! Я никогда не уйду!

– Он говорит, что в данный момент не имеет такого намерения, – лаконично переводит Люси.

Кресло англичанина окружают кошки. Пугать его они не собираются, им достаточно продемонстрировать численность. Борзая снова зевает, показывая ширину и глубину глотки, а также отсутствие всякого интереса к смехотворным соперникам, которых она легко могла бы смахнуть своей длинной лапой.

Люси подыскивает слова, сплетая и расплетая пальцы.

– По-моему, вам следует вступить в переговоры, месье Кларк. Начните с того, что перестаньте называть его «привидением»: неприкаянные души этого не терпят. Лучше использовать слова «барон» и «господин барон». Почему бы вам не поделить замок? Оставьте ему часть, к которой он привык, а себе возьмите остальное. Я бы выступила посредницей по части работ в саду, конкретно – при решении вопроса рубки столетнего дерева, которая сильно его раздражает.

– И речи не может быть о каких-либо переговорах с этим облачком ядовитых паров! Хватит с меня переговоров с агентством недвижимости, загнавшим мне замок втридорога. Мне пришлось истратить все накопления, и я не хочу отказываться от части собственности ради прихоти этого паразита, которого даже пощупать нельзя!

Люси корчит неприязненную гримасу и еще ближе наклоняется к англичанину:

– Настоятельно вас прошу не оскорблять его, иначе ситуация усугубится.

– Кем меня обозвал этот ростбиф? Облаком испарений? Паразитом? На себя бы полюбовался, шмат гнилого мяса!

Габриель удивлен открытием: оказывается, существует расизм, направленный против мертвых, и расизм, направленный против живых. Но он предпочитает не вмешиваться.

– Понимаете, месье Кларк, требования барона Мериньяка, напоминающего, что это и его дом, тоже надо принимать во внимание.

– Юридически у него нет никаких прав. Он попросту сквоттер!

– Хотите привлечь его к суду? Добиться, чтобы его выселил судебный исполнитель или полиция? – насмешливо спрашивает Люси.

– Нет, вы! Вы – моя полиция по борьбе с привидениями. Потрудитесь вымести из моего замка этого надоедливого типа.

– Следите за своей речью, он нас слышит. Как бы вам объяснить... Испанские конкистадоры, высадившиеся в 1492 году в Америке, тоже располагали

официальными бумагами, передававшими им в собственность берега, к которым они пристали... При этом индейцы жили там уже не одно столетие.

- Не вижу никакой связи!

- Конкистадоры тоже взялись искоренять докучавших им дикарей. Но с точки зрения индейцев они были чужестранцами, с воровскими целями посягнувшими на землю, где они родились и где испокон веку жили их предки. Вопрос точки зрения, не более того.

Уильям Кларк хмурится.

- Я никуда не уйду. Раз вы не в состоянии помочь мне выгнать привидение, я обращусь к более квалифицированному медиуму. У меня их целый список. Есть другие специалисты, не такие известные, но, наверное, более умелые.

- Поймите, месье Кларк, я не очень представляю, что еще вам порекомендовать, кроме дипломатии. Ожесточение ничего не даст. В любом случае, не уверена, что вы сможете возобладать. Так или иначе, привидение находится у себя дома. Это его территория, он знает ее как свои пять пальцев.

Раздосадованный англичанин привстает в кресле.

- Вы что же, на его стороне?

- Нет, просто пытаюсь найти наилучшее решение для всех.

- Это уже чересчур! Не стану терять здесь больше ни секунды.

Посетитель встает, его удивленная собака, повернув морду к двери, - тоже.

- Так или иначе, вы должны мне за прием сто пятьдесят евро, - напоминает Люси.

- Я очень разочарован! Зарубите себе на носу, вы обо мне еще услышите.

Уильям Кларк достает купюры и презрительно кидает их на пол.

Люси обращается к неприкаянной душе:

- Поверьте, я огорчена. Я сделала все, что могла.

- Отныне с сантиментами покончено. Больше я не стану заботиться об его выживании. Есть люди, которым так и тянет отвесить то, чего они недополучили в детстве.

- Не пойму, о чем вы.

- Например, об оплеухах.

- Давайте без жестокостей, - просит она. - Очередной тупица, только и всего.

- Впредь я буду тыкать его носом в его собственные противоречия.

Блуждающая душа барона готовится ретироваться, но тут замечает другую блуждающую душу - писателя.

- Турист? - осведомляется барон.

- В некотором роде. Я скончался сегодня утром.

- Неужели? Ну, так готовьтесь к куче сюрпризов.

- Признаться, я и сейчас не жалуясь на скуку.

- Почему же вы здесь?

- Хочу выяснить, кто меня убил.

- Типичное занятие новопреставленного...

Барон делает реверанс и, указывая на женщину-медиума, дает понять, что Габриель в хороших руках.

13

Люси сбрасывает туфли и падает в кресло. Звонит ее мобильный телефон, но она не обращает внимания на звонки. Ее окружают кошки, соревнующиеся за право лизнуть ей руку. Габриель, вертясь вокруг своей оси, снижается и приближается к ней.

- Вы должны мне помочь, мадемуазель Филиппини.

- Надеюсь, хоть вы не будете меня упрекать в недостаточном профессионализме.

- Повлияйте на материальный мир, эта способность есть только у вас.

- Каким образом?

- Разберитесь с моей смертью.

- Я не следователь.

- Без вас я как без рук. Все равно что рыба-прилипала без акулы.

Она косится на снова принявшийся звонить телефон, видит, кто звонит, и нажимает отбой.

- Знаете, для новопреставленного вы ведете себя вполне прилично. Большинство жалуются на судьбу и напрочь забывают о чувстве юмора. А у вас оно хоть как-то теплится.

Соображая, как к ней подольститься, он вспоминает фразу, которую от нее слышал: «Каждый находится в плену истории, которую рассказывает себе о себе самом». Выходит, он не проявляет к ней никакого сострадания. С самого начала он ее использует, не проявляя к ней самой ни малейшего интереса. Точно так же

поступают все ее клиенты, эгоистично считающие самой главной на свете проблемой свою собственную.

– Расскажите мне свою историю, мадемуазель Филиппини.

– Надо же, вы вдруг перестали созерцать собственный пуп?

– Простое любопытство духа, чей путь окончен, к тому, чей путь только начинается...

Люси выходит в свою комнату, возвращается с огромной матерчатой куклой-клоуном и сажает ее в кресло.

– Я воспользуюсь этой куклой, чтобы понять, куда мне смотреть. Смотрите ей в глаза, чтобы поймать мой взгляд. Так нам обоим будет удобнее беседовать.

Женщина-медиум смотрит на оскаленную клоунскую физиономию, и у Габриеля наконец создается впечатление, что она смотрит на него.

– Вы действительно хотите узнать мою историю?

Она закутывается в шаль, подпускает к себе кошек и начинает спокойно рассказывать о своей жизни.

14

«Я родилась в Савойе. У моего отца была бойня домашней птицы. Мать помогала ему с бухгалтерией, готовила еду, занималась хозяйством. Я была у них единственным ребенком.

С восьмилетнего возраста у меня начались мигрени. Я уходила в себя, застывала, сидела в темноте – случалось, по два дня кряду. При любом шуме, при любой вспышке света я вскакивала, и у меня начинала раскалываться голова, наступала стадия невыносимой гиперчувствительности.

Меня водили по всем окрестным врачам, я глотала все мыслимые и немыслимые лекарства, но ни одно существующее средство не помогало. Из-за постоянных пропусков занятий в школе я все больше отставала. Я была хуже всех в классе, соседи смотрели на меня как на инвалида, хотя никто не знал толком, в чем моя проблема. Со мной разговаривали как с умственно неполноценной.

Однажды я заявила отцу, что хочу удрать из нашего городка, где все воруют от меня нос. Тогда он рассказал мне сказку про козу месье Сегина. До сих пор ее помню: «Бланкет говорила, что скучает, что ей надоело на ферме. Как-то раз она взяла и сбежала в горы и там повстречала молодого козлика. Несколько часов они провели в забавах. Когда наступила ночь, месье Сегин позвал ее в свой рожок, но она не захотела возвращаться в тесный хлев и осталась в горах. Там на нее напал волк. Всю ночь она отважно дралась за свою жизнь, но к утру ослабла, и волк ее разодрал». Закончил отец словами, чтобы я не тревожилась за свое будущее, потому что он передаст мне семейное дело.

Сказка сильно на меня повлияла, но я терпеть не могла бойню, пропитавшую зловонием всю мою одежду и волосы. Поэтому, преодолев свой страх перед волками, я, достигнув совершеннолетия, подалась в Париж. Сначала я устроилась официанткой в вегетарианский ресторанчик и поселилась в комнатухе в мансарде у Восточного вокзала, на седьмом этаже без лифта, с туалетом на лестничной площадке.

Работа была изнурительная, зато клиенты, по большей части постоянные, оставляли хорошие чаевые. Однажды явился красивый незнакомец, человек благородного вида, хорошо одетый, но немного робкий. Он был один, раньше в вегетарианские рестораны он не заглядывал. Вышло так, что я первой познакомила его с новым питанием, исключая употребление в пищу «трупов». Это выражение вызвало у него смех, у нас возникла взаимная симпатия, и мы договорились о свидании после моей работы. Он работал в сфере финансов, хорошо зарабатывал, но иногда сталкивался с этическими проблемами, так как сомневался в порядочности босса.

Его звали Сами Дауди. Я первой взяла его за руку. Потом мы впервые поцеловались. Мне было всего восемнадцать, я была девственницей. Мы раз десять встречались, прежде чем легли в одну постель. И только переночевав вместе раз десять, он предложил мне заняться любовью. Это было что-то невероятное, мне казалось, что он пробуждает мое застывшее тело, озаряет его светом изнутри. Меня забавляла его робость, он то и дело спрашивал: «Я вас не

побеспокою?» – как будто все время боялся причинить людям неприятность.

Дальше все происходило как во сне. При каждой встрече Сами преподносил мне цветы. Он был внимательным, предупредительным, вежливым, уважительным. Весь день твердил мне: «Я тебя люблю». Он познакомил меня с четырьмя своими сестрами, они жили все вместе (их мать и отец умерли). Для меня, единственного ребенка у родителей, это было как новая приемная семья, сестры Сами стали мне настоящими подругами. Мы веселились, готовили, устраивали «пижамные воскресенья», ездили отдыхать то вшестером, то вдвоем. Я была счастлива. Быстро зашел разговор о моем переезде к нему. Он спешил забрать меня из комнатухи под крышей. Он говорил, что хочет на мне жениться, что у нас будет трое детишек, что он все сделает, чтобы я смогла перестать работать в ресторане. Какое-то время ему еще нужно было гнуть спину на страшного босса, но у него был план: скопить денег и открыть собственное агентство по финансовому консультированию.

Единственной его душевной раной было, насколько я знаю, отсутствие родителей. Отец бросил семью сразу после его рождения, мать, Муния, умерла, когда ему было четырнадцать лет, и он так толком и не оправился от потери. Он рассказывал мне, что мать снится ему каждую ночь и что он надеется когда-нибудь с ней поговорить, потому что верит в бессмертие душ. Он уверял меня, что я – как раз та женщина, какую она с гордостью приняла бы как невестку. Он постоянно рассказывал мне о матери. Объяснял, что способность человека любить закладывается той любовью, которую он получал в детстве, что каждый поцелуй – это жетон для будущей игры в любовный покер и что чем больше у тебя жетонов, тем выше шанс выиграть. Сам он получал от матери очень много любви, поэтому способен ее возвращать.

Как-то вечером Сами пришел домой сильно озабоченным и стал сыпать словами; я так его поняла, что к ним нагрянули финансовые контролеры и что их ждет разорение. Босс потребовал, чтобы Сами спрятал чемодан с компрометирующими документами. Боясь обыска, он попросил, чтобы я унесла этот чемодан к себе. День за днем напряжение усиливалось. Сами нервничал, рассказывал мне о своем чудовищном боссе, из-за которого все они пойдут ко дну. Потом ему потребовалось срочно отправиться в командировку. До сих пор помню дату – тринадцатое апреля. Он предупредил, что некоторое время мы не сможем видеться, но он позвонит мне, как только вернется. Пока что мне придется запастись терпением. Я так и сделала.

Через три дня в восемь часов утра меня разбудил стук в дверь. Нагрянула полиция, все перерыла и нашла под кроватью проклятый чемодан. Вскрыв замки, они нашли внутри пакетики с белым порошком.

Меня тут же посадили в фургон и повезли в комиссариат.

Все улики были против меня, к тому же в то время, в связи со смертью из-за передозировки знаменитого рок-певца, полиция особенно лютовала. Поэтому мне присудили максимальный срок: восемь лет тюрьмы.

«Вы с вашим видом недотроги опаснее прочих, поэтому наказание должно послужить примером для других», – заявил судья. Узнав о приговоре, мои родители разрыдались. Разумеется, я много раз пыталась связаться с Сами, но постоянно попадала на автоответчик.

Вернулись прежние страшные головные боли, я даже угодила с ними в больницу. После этого меня отвезли в женскую тюрьму в Ренне. Там ко мне сначала отнеслись уважительно: другие заключенные видели, что я не такая, как они. Одно меня тревожило: по вечерам откуда-то доносились вопли. Я не знала, чем они вызваны – яростью, безумием или болью, но неведение компенсировалось воображением. Из разговоров с другими девушками я узнала, что среди заключенных есть женщина-каннибал, замораживавшая своих мертворожденных детей, и «черная вдова», отравившая крысиным ядом своих восьмерых мужей. Я не знала, о ком именно шла речь, потому что в ответ на вопрос о причинах заключения все отвечали, что сидят за наркоторговлю. Только этот вид преступления считался «почетным». Сколько лично я ни твердила о своей невинности, мне говорили: здесь все невинные, потому что, цитирую, «настоящие виновные никогда не попадаются».

Девушки-заключенные научили меня зарабатывать в цеху по производству игрушек (я делала как раз таких здоровенных игрушечных клоунов, как вот этот), научили затыкать на ночь уши, чтобы не слышать крики, но главная наука состояла в том, что необходимо заниматься спортом, если не хочешь сойти с ума. Увы, спорт не мешал моим приступам мигрени, становившимся все болезненнее...

Поскольку товарки видели, что у меня неладно со здоровьем, у меня было право на дополнительные пайки в столовой, мне совали шампунь и косметику,

передаваемые через подкупленных надзирательниц. Одна, правда, как-то раз меня пугнула: мол, не слишком наводи красоту, а то не оберешься неприятностей. Я сначала приняла это за шутку, а потом сообразила, что это было своевременное предостережение: некоторым из ревности полосовали лица бритвой за то, что они злоупотребляли губной помадой.

Так или иначе, обстановка постепенно ухудшилась, за меня принялась банда. Ее члены называли себя «гиенами», их лозунг был: «Где «гиена», там удовольствие».

Главная «гиена», отзывавшаяся на имя «Долорес», была самой высокой, мускулистой и харизматичной. Она объяснила мне, что ее имя значит по-испански «боль» и что это неслучайно. Три ее подручные решили сделать меня козлом отпущения, наказать за желание остаться независимой. Я почувствовала себя козой месье Сегина в гуще стаи волчиц. Они преследовали меня в коридорах, и как-то раз в поисках убежища я заскочила в библиотеку. Там никого, кроме библиотекаря, никогда и не было. От нечего делать я взяла наугад книгу с полки. Это оказались «Мы, мертвецы».

Я никогда не интересовалась литературой, на уроках французского мне всегда ставили плохие оценки, но тут впервые почувствовала, что чтение – вопрос выживания. Выбора у меня не было: под недоверчивым взглядом надзирательницы я погрузилась в чтение.

Раньше книги вызывали у меня скуку, но тут я наконец преодолела барьер и поднялась над буквами, словами и фразами. В голове у меня развернулся киноэкран, на котором ожили и заговорили герои романа. Я как будто угодила в параллельный мир, слышала голоса действующих лиц, шум ветра, проезжающих машин, дождя, удары грома; видела лица, вдыхала запахи – в общем, ощущала все, что у вас описано. Я так увлеклась, что когда надзирательница подошла со словами, что уже поздно, библиотека закрывается, я, взглянув на настенные часы, увидела, что просидела два часа. Два часа непрерывного чтения, пролетевшие как одна минута! Эти два часа я провела, ухватившись за ваших героев, как потерпевший кораблекрушение хватается за доску.

Теперь мне не хотелось думать ни о чем, кроме вашей истории. Я попросила разрешения взять книгу в камеру, и библиотекаря согласилась, пораженная появлением читательницы. Ваш роман я дочитала тем же вечером, пропустив ужин.

Меня привело в восторг начало «Нас, мертвецов»: группа ученых, взявшаяся сконструировать «некрофон» – прибор для связи с мертвыми. Они фиксируют инфразвуки, издаваемые блуждающими душами, и разговаривают с мертвецами так же, как другие ученые налаживают общение с дельфинами и с птицами. Точнее, так, как в свое время хотели обмениваться сигналами с инопланетянами.

Я отнеслась к вашему роману как к пророчеству, не сомневаясь, что в ближайшие годы все так и произойдет. Пусть вы и поставили на обложке слово «роман», для меня было очевидно, что вы неосознанно совершили прорывное открытие. Происходящее в нем совпало с моими интуитивными ощущениями. Я так приободрилась, что назавтра, окруженная Долорес и ее «гиенами», готовившимися на меня напасть, ткнула пальцем в главную «гиену» и брякнула:

«Со мной говорит блуждающая душа твоей сестры Франчески, она хочет с тобой связаться, используя меня как медиума».

Я узнала от другой девушки, что Долорес потеряла в войне враждующих городских банд сестру. В остальном я слово в слово воспроизвела реплику из вашего романа.

Дальше напустила туману: дескать, Франческа за ней наблюдает, любит ее, гордится ею. Короче, импровизировала, не забывая о золотом правиле: говорить людям то, что они сами хотят слышать, и создавать впечатление, что они не одни, потому что в невидимом мире у них есть защитник. Это любому хочется услышать. Я обошлась без уточнений, и... сработало!

С тех пор Долорес взяла меня под свое крыло в обмен на ежедневное общение с Франческой, что позволило мне улучшить мой метод связи с потусторонним миром. Я принялась ломать комедию: жмурилась, гримасничала, притворяясь, что беседую с духом. Я поняла, что Долорес ненавидит отца, считает себя жертвой несправедливой жизни, презирает слабаков. В связи с этим я уточнила свой подход, видя, что ее сообщницы сохраняют недоверчивость, и боясь, как бы одна из них не заставила ее усомниться в моих талантах медиума. Заручившись защитой бывшего худшего врага, я рискнула проконсультировать других заключенных, стремившихся вступить в диалог с мертвыми. Я поняла, что у всех этих девушек нехитрые желания: слушать похвалы, быть выслушанными, получать заверения в лучшем будущем. Чтобы не повторять всем одно и то же, я строила свою речь так, чтобы мне не смотрели в лицо: играла пальцами,

улыбалась, поправляла волосы. Дальше я стала пытаться проникнуть в подсознание своей визави. Сначала пошло не очень, несколько раз меня чуть не разоблачили, мне противоречили, но видимость мне удавалось сохранить.

Сначала я обвела вокруг пальца Долорес, потом всех ее «гиен», потом создала себе репутацию у девушек из других банд. До меня дошло, что у всех у них одна подноготная: они крали, наносили увечья, даже убивали в попытках осуществить свои мечты. От меня требовалось немного: добавить в их жизнь немного восторга. Моя задача была простой: умиротворить, внести каплю безмятежности, помочь принять прошлое.

Чем больше я практиковала сеансы спиритизма, тем лучше у меня выходило. Воскресными вечерами я собирала по два десятка девушек и приступала к столоверчению. Следом за заключенными пришел черед надзирательниц: те же самые истории неразделенной любви, ощущение, что их не поняли и принесли в жертву... Я унимала их злость, вселяла надежду, предрекала «приятную неожиданность», не называя точных дат, отчаянно импровизировала. Короче, создавала впечатление, что их наконец понимают. Сама того не зная, я овладевала ремеслом.

А в один прекрасный день прямо внутри моей головы раздался голос, словно ко мне обратились: «Скажи Каролине, пусть откажется от мести, из-за нее она несчастна. Чтобы она послушалась, ты скажешь ей то, чего она не знает: ее мать жива, живет в Анси, в доме 12 по улице Реколе, 3-й этаж, правая дверь. Номер ее телефона числится в телефонной книге на фамилию Беркай».

Адрес был настолько точный, что приходилось идти ва-банк: в случае ошибки я рисковала лишиться всякого доверия. Но мне повезло: девушка позвонила, и трубку взяла ее мать, которую она считала умершей. Моя репутация обрела твердость гранита, последний бастион скептицизма пал, все потянулись ко мне на консультацию.

Такие точные послания извне я получала еще два-три раза и рисковала, но сведения оказывались правильными.

Однажды вечером меня вызвала сама директор нашего исправительного учреждения и призналась, что уже не один месяц не может спать, никакие снотворные не помогают. Я увидела у нее на письменном столе много крестов,

статуэток ангелов и прочих религиозных атрибутов и решилась на импровизацию: сказала ей, что надо обратиться за помощью к ангелам. Установился настоящий диалог, она испытала облегчение и ночью после нашего сеанса смогла наконец уснуть.

В благодарность она предоставила мне отдельную шикарную камеру, обычно предназначенную для VIP-персон. Там был обеспечен весь комфорт свободной жизни: телевидение, компьютер, даже отдельное помещение для моих «консультаций». По мере улучшения условий моего существования мои мигрени случались все реже.

Так я, склонная к ипохондрии, смекнула, что лучший способ укрепить здоровье – это стать счастливой. Несчастье притягивает болезнь; это как с банками, дающими в долг только богачам и отказывающими в кредитах беднякам: несправедливая реальность, которая как секретное правило управляет всеми судьбами.

У меня появился мобильный телефон, по которому я пыталась дозвониться Сами, но он был недоступен. А как-то утром, при энной попытке, я услышала: «Запрашиваемый вами номер не обслуживается». Это вызвало новый приступ мигрени.

К огромному моему удивлению, в тот день все девушки, от которых я всегда ждала одних гадостей, оказали мне поддержку. Казалось, эта орда дикарок почуяла, что одна из их стаи ранена, и сочла своим долгом прийтти мне на выручку. Вся тюрьма, все 878 заключенных, превратилась в мою семью.

К комфорту добавились услуги, возможные только в женском сообществе: уход, готовка, массаж, прическа... Все спешили быть мне полезными в надежде на сеанс спиритизма. Но я старалась не злоупотреблять приобретенной властью.

Я привыкла получать откуда-то свыше все более точную информацию. Сначала трудность сводилась к тому, чтобы правильно ее расслышать, потому что у мертвых неважно с артикуляцией: они либо бормочут, либо шепчут, не думая об удобстве медиума. Мне случалось путать сходные по звучанию слова, но живому трудно втолковать, что обращающийся к нему мертвый не заботится о внятности своей речи.

Однажды ко мне обратился дух, принадлежавший, по его словам, к «Иерархии». Он назвался Драконом. Он объяснил мне принцип двух параллельных администраций в потустороннем мире: одна ведает возносящимися для перевоплощения душами, другая – теми, кто хочет остаться на земле. В обеих администрациях, по словам Дракона, одинаково действуют «небесные чиновники», помогающие фильтровать и направлять человеческие души. Мне он предложил роль посланницы этой Иерархии на Земле. Я без колебания согласилась.

Иногда он просил меня поговорить с какой-нибудь неприкаянной душой и убедить ее перевоплотиться. Для этого он снабжал меня сведениями о будущих прибавлениях в состоятельных семействах, и я получала сильный аргумент, чтобы убеждать мертвых покидать их прежнюю человеческую оболочку.

Когда мои попытки не удавались, Дракон меня не корил, а повторял, что каждый сам себе хозяин и что дух нельзя заставить поступить вопреки его собственной воле. В них силен страх неизвестности и часто задавлено желание развиваться. Дракон напоминал мне, что я прошу их отказаться от всего, что определяло их личность, и стать «совершенно другими, в другом месте, жить по-другому». Так мне был преподан важный урок покорности: принять право духа на самоопределение и не судить его.

Я очень старалась, а Дракон предоставлял мне все сведения, которые я хотела, чтобы приобретать влияние на мою «живую» клиентуру. Он же научил меня практике подавления помех.

Само собой, я пыталась узнать через Дракона о моем Сами, но на эти вопросы он не отвечал: ни о его местонахождении, не говорил даже, жив он или мертв. Говорил только, что это вне его «компетенции».

Во всем остальном мое сотрудничество с Иерархией через Дракона шло хорошо, может, даже слишком.

Вообще-то я могла претендовать на досрочное освобождение за хорошее поведение и отсидеть всего три года (в русле политики борьбы с переполненностью тюрем), но директор слишком ценила меня с моим умением обеспечить ей крепкий сон. Поэтому она предпочла скостить срок нескольким рецидивисткам, а меня оставить за решеткой. Только исчерпав все отговорки,

она скрепя сердце открыла для меня однажды чудесным августовским утром тюремные ворота.

Мое освобождение причинило душевную боль всем остававшимся заключенным. С согласия начальства они устроили мне пышные проводы. Некоторые поклялись, что впредь будут примерно себя вести, чтобы поскорее освободиться и найти меня на воле. Несколько девушек вручили мне подарки: собственноручно связанные свитеры, лично испеченные пирожные, самодельные украшения, маленькие картины, на которых я красовалась в обличье святой. Праздник не уступал рождественскому. Надзирательницы и надзираемые стояли в очереди, чтобы меня обнять. Последней была Долорес, прошептавшая мне на ухо: «Навещай нас иногда, а нет, то хоть звони, сама знаешь, как ты всем нам нужна».

Когда я выходила из тюрьмы, многие пустили слезу. У меня была безумная надежда, что меня будет встречать Сами, что он приготовил мне сюрприз, но встречающих не было. Я дошла до ближайшего бистро и попыталась дозвониться ему оттуда; была у меня мысль, что тюремный телефон специально так настроен, чтобы не дать мне связаться с возлюбленным. Но в трубке опять раздалось: «Запрашиваемый вами номер не обслуживается».

Я отправилась по его адресу, Страсбургский бульвар, 19, но консьерж сообщил, что месье Дауди так и не возвращался с той пятницы 13 апреля, после которой минуло восемь лет. Его сестер тоже след простыл. Он даже не оставил адреса для пересылки почты. Я решила, что это связано, конечно, с его негодяем-боссом, и в который раз испытала облегчение, что схватили меня, а не его.

При выходе из тюрьмы мне отсчитали деньги, которые я заработала на производстве игрушек, но я знала, что должна без промедления найти работу. Принять меня назад в вегетарианский ресторан отказались: бывшая заключенная испортила бы их имидж. Всюду, куда бы я ни сунулась, мне давали понять, что тюремное прошлое свидетельствует против меня. Так же вышло и с поиском жилья: всем арендодателям подавай съемщика без судимости. Я осталась без крова и без работы. Как быть? Первую ночь я скоротала под мостом, где еле отбилась от толпы пьяных клошаров. Назавтра я ночевала около Восточного вокзала, где другие бездомные зарились на мои пожитки. В предложениях «защиты» не было недостатка: на них были щедры сутенеры. На третий день пошел снег, я замерзла и уже почти жалела о тюрьме: там у меня были, по крайней мере, теплый угол, трехразовое питание, подруги; свобода же

сводилась для меня к капризам погоды и ко всяческим посягательствам. Поэтому я обратилась к Дракону, решив, что первое же необычное явление послужит мне ключом к выходу из незавидной ситуации. В следующую секунду я увидела на ветровом стекле ближайшей машины листовку. Как сейчас вижу выведенное буквами, похожими на индийские:

«Профессор Мамаду М'Ба

Медиум с дипломом университета Дакара

30 лет опыта, 100 % успеха».

И дальше теми же письменами с завитками:

«Вы страдаете от робости, полового бессилия, избыточного веса? Мало выигрываете в азартные игры? Хотите такой любви, как в детстве от мамы? Сексуальное обследование придает силы в любви. Мамаду М'Ба – знаток волшебных снадобий. Защищает от недругов, безумия, дорожно-транспортных происшествий, злых духов. Возвращает средства, уведенные другими, потерявшихся собак и кошек. Разговор с исчезнувшими близкими. Повышение зарплаты. Излечение от СПИДа по телефону. Ремонт русских мотоциклов. Либо полное удовлетворение, либо возврат денег. Клянусь честью, я не обманываю моих клиентов. Особые расценки для безработных, студентов, членов профсоюза, вдов и инвалидов войн».

Преодолев первоначальные сомнения, я обратилась к этому многофункциональному профессору М'Ба, согласившемуся принять меня незамедлительно. Он оказался весьма престарелым сенегальцем, с седыми кудрями, в оранжево-бежево-зеленом бубу, увешанном позолоченными ожерельями и военными медалями. Его лицо было наполовину скрыто очками с толстыми, как донышки бутылок, линзами. Улыбаясь, он выставлял напоказ золотые зубы.

Я не стала просить у него помощи, а предложила собственные услуги, объяснив, в чем состоит мой «талант». Он тут же воодушевился и взял меня к себе помощницей, не спросив ни о судимости, ни о дипломах, наоборот, предложил мне кров и питание.

Потом я узнала, что как раз перед нашим знакомством его ограбил бывший клиент и что слепота не позволяет ему заботиться о собственной безопасности. Именно поэтому мое присутствие показалось ему не только приятным, но и необходимым. Кстати, обчистивший его субъект вернулся в тот самый день на место преступления с двумя сообщниками, чтобы забрать не унесенное в прошлый раз. Но я наставила на эту троицу позаимствованный у Мамаду игрушечный револьвер, и она в ужасе ретировалась.

Совсем недолго проработав с сенегальским колдуном, я убедилась, что он находился, так сказать, на «первой стадии»: психология на основании наблюдения и выслушивания. Он совал своим клиентам амулеты со скрученными бумажками, на которых были накаляканы на его родном языке всякие формулы: «любовная страсть», «богатство», «железное здоровье»... Благодаря этим бодрящим заклинаниям он добивался результатов, удовлетворявших его клиентов, часто наивных и суеверных, – сочетания эффекта плацебо и метода Куэ[5 - Французский психолог и фармацевт, разработавший метод психотерапии и личностного роста, основанный на самовнушении.].

Я взяла на себя самых требовательных его клиентов и предложила ему устраивать сеансы спиритизма, быстро приобретшие успех.

Мамаду отдавал мне 50 процентов дохода от клиентов, которых я принимала по одному, и все 100 процентов от коллективных сеансов спиритизма. Симпатичный был человек, мы с ним без лишних слов достигли взаимопонимания. Мы использовали особенный код: одна и та же фраза в зависимости от наших интонаций могла приобретать тысячу разных значений. Так, его вопрос «вы не находите, что в этой стране холодно?» мог означать и исходящую от клиента угрозу, и необходимость заняться стряпней к ужину. Мои слова: «Вам надо лучше укрываться» могли значить и «гони его в шею», и «отдыхай, я сама всем займусь», и «я приведу подмогу».

Накопив достаточно денег, я поблагодарила старого Мамаду и сказала, что впредь намерена работать самостоятельно, но сначала найду для него замену себе, которая окажется не хуже меня самой. Он не пытался меня удержать, а просто снял очки, чтобы крепко меня обнять, и я впервые увидела, что его глаза забиты червями и похожи на прозрачные сосуды, полные слизняков. Я долго сжимала его в объятиях и поблагодарила за все, что он для меня сделал.

Теперь я могла сама снять квартиру. Я разбросала повсюду листовки более сдержанного содержания, чем у моего старого наставника:

ЛЮСИ ФИЛИПИНИ. Медиум.

Прием только во второй половине дня

Сначала клиентов было ровно столько, чтобы платить аренду и не умереть с голоду. Потом Мамаду наведалься ко мне в гости и сообщил, что я должна ему денег, потому что сменившая меня особа оказалась никуда не годной.

После Мамаду за меня взялись налоговики: они не усматривали в моем занятии ничего противозаконного, но только при условии, что я стану отдавать половину заработанного государству. Я покорила, глазом не моргнув. Потом ко мне явилась другая женщина-медиум – пожилая, в кричащем облачении и яркой косметике, как раз такая, какими вы воображаете людей моего ремесла. Она объяснила, что в квартале есть место для одного-единственного медиума и что она обосновалась там раньше меня. Она пригрозила натравить на меня своих «слуг невидимого», которые покарали бы меня за нежелание мгновенно удалиться. Потом перешла к воплям: «Берегись, облысеешь, исхудает, твое дыхание станет зловонным, и мужчинам будет противно с тобой целоваться, у тебя завоняют ноги, раньше срока наступит менопауза и ты не сможешь родить, майонеза, и то не сможешь сделать...»

Так я вкусила радости свободного предпринимательства и конкуренции... Но и тут не обошлось без спасительной руки: на помощь мне пришла одна из моих клиенток, очаровательная элегантная старушка с синеватыми волосами, бывшая адвокатесса, скопившая целое состояние. Наследника у нее не было, и она, бедняжка, узнала, что ее дни сочтены. В благодарность за то, что моими усилиями она общалась со всеми своими бывшими мужьями, она вписала меня в свое завещание.

Судьба мне улыбнулась, на смену проблемам пришли решения. После трудных лет я получила дар свыше – или подарок Иерархии: наследство старушки представляло собой особнячок площадью 200 квадратных метров с садом в 16-м округе Парижа и миллион евро. Наконец-то у меня появились собственный кров

и столь необходимая финансовая надежность. Первым делом я наняла частного детектива для поиска Сами. Но после нескольких недель расследования он смог доложить мне всего лишь, что «господин Дауди так и не подавал признаков жизни с той роковой пятницы 13 апреля». Отыскать его след нигде не удавалось. Эти обескураживающие сведения влетели мне в копеечку, но я все равно не расставалась с уверенностью, что он жив.

Молва все лучше обеспечивала мне клиентуру, по большей части богачей и знаменитостей. Раз в неделю я давала коллективный сеанс, на котором четверо сидевших вокруг стола по очереди беседовали с усопшим, которого сами выбирали. В дальнейшем я избрала политику намеренного ограничения клиентуры, дополнительно повышавшую мой престиж.

Однажды ко мне пришел сам министр внутренних дел Валадье. Мы быстро подружились, и я попросила его помочь найти Сами. Через несколько дней он сообщил, что, по данным его служб, некто Дауди исчез не только из Франции, но и вообще с лика Земли. То есть испарился. Его вывод состоял в том, что подозрительный делец, на которого он работал, приказал его убить и уничтожить тело.

Ныне я обрела равновесие. Я живу своими способностями медиума и горжусь этим. У меня сохранился единственный страх – умереть. Я обладаю редкой привилегией доступа к нематериальным мирам, в материальном же мире я прекрасно себя чувствую. Единственное, чего мне не хватает для полного счастья, – любовь моей жизни, Сами Дауди».

15

Рассказывая мне все это, Люси не спускала глаз с игрушечного клоуна, на лице которого застыла дурацкая улыбка. Рассказ завершился, и она на несколько секунд умолкает.

– Завидная у вас жизнь, мадемуазель Филипини.

– Мне не с чем сравнивать, других жизней у меня не было. Во всяком случае, о прежних не сохранилось никаких воспоминаний.

- Вы подтверждаете теорию проноии из энциклопедии моего двоюродного дяди Эдмонда.

- «Пронойя»? Первый раз слышу.

- Это противоположность паранойе. Вместо того чтобы подозревать весь мир в недоброжелательности и в намерении вам напакостить – это и есть паранойя, вы убеждены, что мир и населяющие его люди состоят в тайном сговоре, имеющем цель сделать вас счастливой.

Она поправляет завалившуюся набок куклу.

- Брат считает вас страдающим – вернее, страдавшим – болезненной паранойей.

- Не буду полностью это отрицать. Но даже у параноиков бывают настоящие недруги, равно как с пессимистами случаются настоящие несчастья.

- У вас несколько преувеличенная реакция на свою смерть.

- Полагаю, это шутка?

- По-моему, с вами произошла профессиональная писательская деформация: вы повсюду видите драму. Попробуйте тоже стать проноиком и решить, что ваш «конец» в конечном счете не так уж плох.

- Я – жертва убийства!

- Что с того? Подумайте о вашей посмертной славе. О Джоне Ленноне, застреленном из револьвера на манхэттенской улице, вспоминают больше и лучше, чем о Джордже Харрисоне, долго умиравшем от рака в больнице. Мэрилин Монро, ушедшая из жизни 36-летней, возможно, отравленная секретной службой Кеннеди, вольготнее разместились в нашей памяти, чем ваша Хеди Ламарр, дожившая до 85 лет, из страха старости злоупотреблявшая эстетической хирургией и в конце концов умершая от болезни в нищете и забвении.

- Какие гадости вы говорите!

- Нет, я пытаюсь вам помочь увидеть в событиях хорошую сторону.

- На некоторые темы я бы предпочел не шутить. К ним относится моя смерть, а также смерть Хеди Ламарр.

Люси застывает с закрытыми глазами.

- В чем дело? - спрашивает Габриель.

- Мне говорят о предложении, которое они готовы вам сделать, месье Уэллс.

- Кто такие «они»?

- Моя Иерархия. - Она хмурит брови, не открывая глаз. - Это исключительное предложение, другого такого не будет. - Ее длинные ресницы трепещут. - В буржуазной семье, обитающей в комфортабельной вилле с видом на море под Ниццей, ожидаются роды. Вас окружат любовью, вы получите хорошее образование, обойдется без наследственных заболеваний. Вокруг вас будут братья и сестры - отличные компаньоны для игр. Там даже есть лохматая собака.

- Никакого перевоплощения, пока я не узнаю, как умер! Уверен, вы на моем месте отреагировали бы так же.

Видя, что ресницы Люси продолжают дрожать, Габриель понимает, что она принимает новое сообщение.

- Дракон говорит, что Иерархия настаивает. Похоже, переселение вашей души неотвратимо, оно входит в Космический План.

- Что еще за «космический план»?

- Большой роман, все мы - его персонажи.

- Каков же сюжет этого «большого романа»?

– Однажды наш с Драконом разговор приобрел небывалую откровенность, и он объяснил мне это в общих чертах. По-моему, это как-то связано с эволюцией совести.

Глазные яблоки Люси под тонкой кожей век приходят в движение. Можно подумать, ей снится сон.

– Дракон говорит, что если вы откажетесь вселиться в этого младенца, то будете жалеть об этом всю вашу жи... всегда. Вам необходимо перевоплотиться как можно быстрее. Это важно. От этого зависит всеобщее благополучие.

– Разве я не хозяин сам себе?

– Хозяин, хозяин.

– И, если я правильно понял, моя свобода воли сильнее всего остального?

– Так и есть.

– Ну, так вот вам мой официальный ответ: я перевоплощусь только после того, как узнаю правду о своей смерти.

Она открывает глаза, смотрит на клоуна, вздыхает.

– Дракон говорит, что «они» крайне разочарованы вашим поведением и считают его эгоистичным и близоруким.

– Между прочим, я не требую ничего из ряда вон выходящего! Желание знать последнюю главу романа собственной жизни представляется мне вполне законным, или я не прав? Хочу знать, кто меня убил! Ваши дар и пыл, а также сведения о моей жизни и окружении, которые я предоставлю, непременно помогут вам разрешить эту загадку. В конце концов, криминальные расследования – мой конек. Я буду руководить вами из невидимого мира.

Она качает головой. Кошка с мяуканьем трется об ее ладонь.

– Если я соглашусь, вы обещаете перевоплотиться?

- Обещаю!

- Тем не менее я обязана вам сообщить, что не в состоянии рискнуть независимо от причин риска. Мне слишком дорого мое здоровье.

Кошки окружают хозяйку, словно, понимая, что происходит, взялись помешать ей помочь Габриелю, который чувствует облегчение и в переносном, и в буквальном смысле слова.

16. Энциклопедия: вес души

Американский врач Дуглас Макдугал был первым, кто пожелал доказать материальное существование души.

В 1900 г. он договорился с центром лечения туберкулеза в Бостоне о взвешивании койки с больным сначала перед смертью, а потом сразу после нее.

Вес первого умершего уменьшился ровно на 21 грамм.

Эксперимент был повторен с еще с пятью умирающими. После того как несчастные выпускали дух, разница всякий раз составляла те самые 21 грамм.

Экспериментатор сделал вывод, что душа весит именно 21 грамм.

То же самое было проделано с пятнадцатью собаками. Не обнаружив никаких изменений веса, он заключил, что душой обладает только человек.

Результаты этих наблюдений были опубликованы в 1907 г. и вызвали волнение в прессе, поднявшей крик о «теории 21 грамма доктора Макдугала». Ученые, правда, пребывали в сомнении. У них были претензии к условиям проведения эксперимента, они доказывали, что шесть пациентов – совершенно не показательная опытная группа. К тому же в одном из случаев констатация уменьшения веса была сделана через минуту с лишним после кончины. На это Макдугал возражал, что душа просто «не спешила» наружу.

Такие оправдания окончательно лишили Макдугала доверия. Когда он умер в 1920 г., никто не позаботился взвесить его тело перед кончиной и после.

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том XII

17

Из кустов, отделяющих стоянку от южного крыла больницы, появляется худенький силуэт. Он крадется вдоль живой изгороди к мусорным бакам. При появлении уборщика, катящего контейнер с органическими отходами, женщина приседает на корточки и исчезает из виду. Потом она продолжает красться вдоль кирпичной стены.

Люси Филиппини одета во все черное, длинные волосы завязаны в хвост, на ногах кроссовки. Добравшись до навеса, она заглядывает в окна полуподвала. В морге ничего не разглядеть: свет выключен.

Она замирает перед единственным окном с одинарным, а не двойным остеклением.

– Что теперь?

– Стекло можно разбить камнем, только заверните камень в ткань, чтобы избежать шума. Найдите что-нибудь в мусорном баке.

Люси следует совету, дожидается sireны «Скорой помощи» и под шумок бросает свой снаряд. Стекло все же с шумом разбивается. Убедившись, что никто ничего не заметил, она выбивает большие и опасные куски стекла, но все равно, залезая внутрь, режет стеклом руку.

– Так и знала, что поранюсь! Хватит с меня!

– Тихо, вас услышат!

– У меня идет кровь! Я же говорила, мое тело для меня – святыня. Я должна вернуться и наложить повязку, иначе будет заражение.

– Хватит вам, ничего страшного, всего лишь царапина. Пока мы разговаривали, кровь почти остановилась.

Она в ужасе таращится на порез, на стекающую по запястью струйку крови.

– Так до гангрены недалеко! Надо срочно дезинфицировать рану. Я возвращаюсь домой.

– Надеюсь, вы не бросите начатое? Пусть я параноик, но ваша ипохондрия куда хуже. Та еще парочка!

– Чем насмеяться, лучше поддержали бы. Я того и гляди хлопнусь в обморок. Не выношу вида крови!

– Хватит кривляться, действуйте!

– Ну и эгоист же вы! Вас интересуют только ваши останки, на остальных вам плевать.

– Послушайте, сейчас совсем не время жалеть себя из-за пустячного пореза, сюда могут нагрянуть. Ну же, придите в себя! Утешьтесь тем, что поранились ради благого дела.

Люси неохотно соглашается пролезть в разбитое окно.

– Ищите мое тело, оно в одной из этих ячеек! – подгоняет ее Габриель.

Она зажигает фонарик в своем смартфоне и осматривает помещение. При виде голого трупа на столе с подпертой головой и с открытым при помощи расширителя ртом она вздрагивает.

– Бросьте, это морг, как же здесь не быть трупам? – говорит Габриель тоном, призванным успокоить Люси.

– Простите, но из того, что я говорю с умершими, еще не следует привычка видеть их наяву. В этот раз я точно упаду в обморок. Уже падаю...

Она пытается сохранить равновесие и хватается за тележку, но тележка катится, и Люси шлепается на пол.

– Мы зря теряем время. Весь этот шум привлечет внимание.

– Помолчали бы! Я вам не Женщина-Кошка.

– Никто не требует от вас превращения в Женщину-Кошку, просто смотрите, куда ступаете. Вам нужен крайний холодильник справа; если не ошибаюсь, меня положили туда.

Не слушая его, она открывает шкафчики один за другим, пока не находит искомое: бактерицидное средство и бинт. Морщась, она перевязывает себе порез. Потом, переведя дух, она начинает выдвигать ящики и, преодолевая отвращение, заглядывать в лица умерших. Наконец, она натывается на тело писателя и расстегивает «молнию», полностью обнажая труп.

– Я плохо вас рассмотрела у вас в спальне, но теперь должна заметить, что ваша телесная оболочка вовсе не дурна. Вы были мускулистым, видно, что занимались спортом. Если бы у меня не было избранника, вы бы могли мне понравиться.

– Считаете, сейчас подходящий момент для таких разговоров? Лучше нащупайте вену и возьмите кровь.

Она достает иглу и ищет, куда ее воткнуть. Сначала пробует запястье, где вены на виду, но ничего не выходит; с бедренной артерией и с яремной веной на шее она тоже терпит неудачу.

– Из вас что, слили кровь, чтобы пустить тело на колбасу?

– Тело иссыхает естественным образом, попробуйте взять кровь прямо из сердца.

– Никак, игла слишком тонкая, чтобы проткнуть грудную кость.

- Что-нибудь придумайте. Снизу, с нажимом на живот!

Люси садится на труп писателя верхом и пытается добраться до его сердца из-под ребер. Наконец-то успех: шприц наполняется густой бурой жидкостью.

Внезапно вспыхивает светильник на потолке. Санитарка кричит:

- Держите ее, эту извращенку-некрофилку!

К Люси бросаются три санитарки.

- Наконец-то! «Нини, нимфоманка-некрофилка»! Попалась!

- Теперь эта психованная от нас не уйдет! - подхватывает обладательница ручищ толщиной с окорок.

Люси успевает спрыгнуть со стола и шмыгнуть в боковую дверь, но женщины в белых халатах уже совсем близко. Медиум с полным шприцем в задранной руке кидается в плохо освещенный коридор, но преследовательницы видят ее маневр.

- Сюда! Вот она! - вопит одна.

- Хватайте ее! - подвывает другая.

Люси отталкивает двух больных, медленно толкающих перед собой колесные рейки с капельницами.

- Прочь с дороги! Пропустите!

Она прокладывает себе путь в гуще испуганных больных и медсестер, не понимающих, что происходит. Четыре преследовательницы исполнены решимости ее настигнуть.

- Куда она подевалась?

- Вон туда! - указывает бледная больная. - Я ее видела. Она была совсем рядом, она меня толкнула!

- У нее полный крови шприц, - вливается другая. - Вампир, не иначе!

- Нет, тут другое, - спешно следует поправка. - Это некрофилка Нини.

- Кто такие некрофилы?

- Извращенцы, питающие страсть к трупам. Эта давно завелась в нашей больнице, никак не удавалось ее поймать.

Люси мчится по больничным коридорам, преследуемая уже целой толпой, привлеченной суматохой. Габриель уводит ее все дальше, направляя в свободные проходы.

Но преследователи упорны. У Люси не остается выбора: она сворачивает влево. На ее счастье, толпа проглядела ее вираж и бежит дальше.

Медиум, превращенная помимо ее воли в частного детектива, врывается в психиатрическое отделение, в этот час пустое, сжимая на бегу свое порезанное запястье.

- Напрасно я согласилась! Не надо было вас слушать, - шипит она, нянча свое запястье, снова начавшее кровоточить.

- Спрячьтесь вот в этом углу и опорожните шприц в пробирку, - командует Габриель.

- Из-за вас я угодила в самую ненавистную мне ситуацию! - отзывается она, выполняя команду.

- Вы оставили их с носом! Bravo!

В поисках выхода Люси попадает в большое помещение, где путь ей преграждает дожидющийся ее мужчина с бешеными глазами.

- Ведьма! – орет он.

Отовсюду выбегают какие-то люди. От одних пациентов психиатрического отделения беглянка увертывается, но ее упорно преследуют другие. Безумцы быстро окружают ее и теснят в угол.

- Ведьма, ведьма! – твердит первый опознавший ее сумасшедший. Остальные тут же принимаются ему вторить.

- Ведьма! Всю вереницу демонов с собой приволокла!

- Демоны, демоны! – внезапно визжит Люси.

- Это еще что такое? – спрашивает Габриель, видя, как вокруг медиума смыкается осторожное кольцо.

- Тюрьмы, кладбища, казармы, поля сражений, больницы и дома умалишенных – любимые места блуждающих душ. Стоит чему-то случиться, они слетаются, как голуби к старушке с пакетиком сухарей, и требуют своего. Вот и тут они меня обнаружили и хотят меня использовать, чтобы добиться лакомых вариантов переселения. Беда в том, что шизофреники, а также наркоманы и все прочие со слишком тонкой или пробитой аурой ощущают их присутствие. Их они и зовут «демонами».

Больные, оставаясь на почтительном расстоянии от нее, хором повторяют:

- Ведьму на костер! Ведьму на костер!

- Теперь понимаете, почему я упиралась и не желала сюда идти? – бормочет Люси, от страха еще сильнее вцепившаяся себе в запястье.

Окружившие ее безумцы медленно приближаются, ясновидящие из их числа уже трогают ей волосы. От ужаса она дрожит.

- Умоляю, сделайте что-нибудь!

Дух писателя пользуется своей способностью проходить сквозь стены, чтобы полететь на поиски медбратьев психиатрического отделения. Он обнаруживает их в зале в противоположном конце корпуса за просмотром футбольного матча при максимальном звуке.

- На помощь! - доносится до него призыв Люси.

Понимая, что решение требуется немедленно, Габриель обращается к своим собратьям - блуждающим душам:

- Убирайтесь! Не видите, что ли, как вы действуете на этих бедняг?

- Это же Люси! Пусть она нами займется! У нее лучшие варианты перевоплощения во всем Париже!

- Если она умрет, то вам придется забыть о помощи от нее! - увещевает он их.

- Пусть предложит нам хороших зародышей, тогда мы разлетимся.

- Разлетайтесь прямо сейчас, тогда я замолвлю за вас словечко.

Неприкаянные души соглашаются ретироваться на том условии, что медиум поможет им воспарить и найти объекты для последующего вселения.

Габриель сообщает Люси условия сделки. Та, осаждаемая все более многочисленными психами, уже осмеливающимися к ней прикоснуться, на все соглашается.

Души дружно удаляются, как стая скворцов, и самые чувствительные больные мигмом успокаиваются. Люси пользуется передышкой и бросается к самой большой двери, обозначенной словом «выход».

Наконец-то она на улице! Она бежит к своей машине, рывком трогается с места и мчится к воротам.

- Молодчина! - хвалит ее Габриель.

Женщина молчит. Борясь с приступом гнева, она опасно набирает скорость.

– Нам обоим надо учиться ориентироваться в своей среде: мне в невидимом мире, вам в видимом. А пока что примите поздравления с первой успешно выполненной миссией! Теперь вы располагаете пробиркой с моей кровью, и расследование может продолжаться. Скорее засуньте ее в холодильник!

– Либо вы заткнетесь, либо я выброшу пробирку в окно! – скрежещет зубами Люси.

– Вы на меня сердитесь? Мне почудилось или я верно уловил в вашем тоне упрек?

– Больше ни слова! Не желаю вас слушать! Хватит с меня! Вам понятно? Не имею больше с вами ничего общего. Все, кончено!

– Знаете, когда я в детстве начинал капризничать, дедушка отвлекал меня разными анекдотами и байками. Вспоминается одна, отлично подходящая к ситуации. Если хотите, расскажу.

– Нет! Мне осточертели и вы, и ваш дед.

– Перестаньте! Я все-таки расскажу. Вот увидите, вам понравится.

– Будет странно...

– Сумасшедший дом. Зоофил, садист, маньяк-убийца, некрофил и мазохист болтают и вдруг видят кошку. Зоо-фил предлагает: «Поймаем ее! Вот уж я позабавлюсь!» «Идет, – соглашается садист, – только чур, потом я ее помучаю». «А потом я ее убью», – добавляет маньяк. «Когда ты ее убьешь, я над ней надругаюсь», – радуется некрофил. Все смотрят на мазохиста, тот молчит. «Какие твои предложения?» – спрашивают они его и в ответ слышат: «Мяу».

– Худший анекдот из всех, какие я слышала! К тому же мне невыносима мысль о мучении кошки. Немедленно вон из моей машины! Найдите себе другого медиума и морочьте голову ему! Это приказ! Вон отсюда! Чтоб глаза мои вас не видели! Знать вас больше не желаю!

Габриель с сожалением покидает машину через крышу и провожает ее взглядом. Автомобильчик виляет в потоке, нарушая все правила, так Люси торопится домой.

18

Габриель Уэллс парит над Парижем, как птица.

Его не покидает мысль, что теперь, после смерти, он должен научиться иначе планировать свое время. Прощайте, завтраки, душ, кофе в бистро, обеды с друзьями, но есть и преимущества: не надо больше чистить зубы, не надо натягивать пижаму, прежде чем лезть под перину.

Теперь он неизменно чист, всегда в одном и том же, свежий и бодрый.

До него доходит, что быть живым – значит подчиняться законам гравитации, то есть оставаться приклеенным к земле. Люди – тяжелые животные, передвигающиеся хорошо что не ползком, а он теперь легок, как пушинка. В доказательство он проделывает в воздухе акробатические номера: петлю, бочку, штопор, реверс, вираж на спине, свечку, «кубинскую восьмерку». Бочками он занимается между зданиями комплекса «Дефанс». Потом пытается спикировать прямо в метро. Ему ни в чем нет отказа, и это чрезвычайно забавно; особенно весело проникать сквозь стены и заставлять людей за всевозможными естественными занятиями и отправлениями. Он наслаждается всем этим несколько часов, пока это не наскучивает.

Как поступить с этойкой уймой незанятого времени?

Тут он вспоминает о намерении брата его кремировать и решает нанести ему визит, чтобы повлиять на его намерения.

Подлетев к дому Тома, он проникает сквозь фасад и зависает над его кроватью. Братец спит весьма беспокойно, и, внимательно за ним наблюдая, Габриель начинает различать его ауру – нечто вроде слоя светящегося пара, защиты телесной оболочки. Видно, что чем глубже становится сон, тем медленнее делается дыхание, а глазные яблоки под веками, наоборот, ускоряют вращение. Аура меняет цвет и утончается у макушки. Когда сон входит в парадоксальную

стадию, движение глаз становится очень быстрым, дыхание совсем замедляется, тело сковывает неподвижность. В самом тонком участке ауры появляется отверстие.

«Прямо как дыра в озоновом слое над Северным полюсом!» – радуется Габриель.

Возникает соблазн засунуть в эту дырку палец, проникнуть брату под черепную коробку и попробовать на него повлиять. Для этого он шепчет ему в самую ушную раковину:

– Это я, Габриель! Не смей сжигать мое тело!

Он повторяет свое приказание несколько раз. Тома проявляет беспокойство, открывает глаза, трет веки, словно прогоняя воспоминания о только что происшедшем, встает с постели, посещает туалет, пьет воду, снова ложится и засыпает.

– Помни, никакой кремации, иначе тебе обеспечены еженощные кошмары! – припугивает его для верности Габриель.

Тома снова ворочается, сучит ногами на матрасе и кричит: «Нет, нет!»

Габриель, полагая, что добился своего, опять взмывает в парижское небо.

Вдали он различает другие блуждающие души: большинство смиренно гуляет по земле – видимо, просто по привычке. Без сомнения, они, как и он, позволяли себе удовольствие летать, но потом уяснили, что им приятнее ходить, сидеть, вообще вести себя как живые люди.

Над ним пролетает самолет. Габриель поднимается на высоту полета лайнера и позволяет ему пронзить себя. Души всех пассажиров успевают его пощекотать.

Пронесясь над Эйфелевой башней, описывая круги вокруг башни Монпарнас, планируя над Трокадеро, писатель говорит себе, что настало время проанализировать все преимущества своего нового положения, иначе все положительное пройдет мимо. Перед ним открываются небывалые возможности, поэтому надо вспомнить, чего ему больше всего хотелось при жизни. Ответ

прост: попасть в жилище какой-нибудь знаменитости и понаблюдать за ее сном.

Он останавливает выбор на молодой кинозвезде, чью виллу видел в журнале. Найти ее совсем нетрудно. Он влетает к ней в спальню, приближается, чтобы ее потрогать, но его пальцы проходят сквозь спящую. А ему так хотелось ее почувствовать и даже поцеловать!

Во сне актриса поворачивает голову и убирает с лица волосы. Вблизи она оказывается вовсе не такой красоткой, как на фотографиях: на щеках прыщики, кожа лоснится.

- Ага, подсматриваем за спящими голыми девушками?

Габриель вздрагивает, как ребенок, застигнутый за неподобающим занятием. Он узнает голос, потом и лицо того, кто произнес эти слова.

- Дедушка!

- Да, это я, Габи.

- Что ты здесь делаешь, дедуля?

- То же самое, что ты, разбойник: пользуюсь тем, что умер, чтобы подглядывать за девушками.

И он шутливо шлепает внука, при этом протыкая его насквозь.

- Если серьезно, то при твоей жизни, Габи, я никогда не упускал тебя из виду. Теперь ты мертв, но мне по-прежнему небезразлично, что с тобой происходит.

- Ты следишь за мной с самой моей смерти?

- Конечно! Я находился над тобой, просто ты не удосуживался поднять голову.

Актриса всхрапывает и легонько пукает, вызывая у двух эктоплазм приступ хохота.

– То-то! Чего только не насмотришься после смерти! Но шутки в сторону: неважно, что ты все видишь и все понимаешь, использовать эти знания практически нельзя...

– Говоришь, ты следовал за мной? – перебивает деда Габриель. – Зачем?

– Твои смешные младенческие гримасы доставляли мне наслаждение. Потом ты подрос и стал проявлять больше воображения и артистичности, чем твой брат, и вообще, был гораздо забавнее. Сам знаешь, Тома был любимчиком своего отца, ты – матери, я тоже чувствовал к тебе особенную близость. Я первым в семье обратил внимание на твое умение сочинять и рассказывать разные истории. Я посоветовал твоим родителям побольше тебе читать, чтобы у тебя было что рассказывать. Потом, когда я постарел и стал болеть, ты был рядом, в отличие от остальных членов семьи, махнувших на меня рукой. А когда я умер... ну, ты сам знаешь, что тогда произошло. Меня сильно тронула твоя реакция, вот я и продолжил за тобой приглядывать – не как за озорником, а как за звездой, потому что для меня ты был в семье самым лучшим. Именно ради того, чтобы следовать за тобой, я отказался от перевоплощения. Когда ты спал, я пользовался отверстиями в твоей ауре, чтобы нашептывать тебе разные мыслишки. Мне хотелось, чтобы ты стал писателем и обессмертил нашу фамилию. Я незаметно трудился ради усовершенствования твоего писательского дара. Мне хотелось от тебя незаурядности, хотелось, чтобы ты не уступал соблазну писать на потребу моде. Мода – это то, что выходит из моды. Но для этого ты должен был преодолеть свой страх перед непохожестью на других. Влиять на тебя не всегда было легко.

– В данный момент, дедушка, меня одно интересует: кто меня убил.

– Ты меня разочаровываешь, Габи. Что за ограниченность целей?

– Ты не первый мне это говоришь. Ничего не поделаешь. Ты был полицейским, так кому, как не тебе, помочь мне раздобыть необходимые сведения!

– Как ты понимаешь, вести расследование с нашей стороны зеркала гораздо труднее. Но я попробую сделать все, что в моих силах. Ты кого-то подозреваешь?

– Тома. Очень подозрительно, что он отказался требовать вскрытия. И потом, он всегда мне завидовал.

- Кого еще?

- Пока что только его.

- Что ж, я тоже должен кое-что тебе сказать. Насколько я понял, ты связался с Люси Филипини, это большая удача. Ты еще не вполне осознаешь свое везение: она – твой мостик в мир живых, она тебя слышит, а главное, вхожа в самые верхи невидимого мира.

- Ты говоришь о Драконе?

- Не только. Иерархия получила в ее лице очень полезную посредницу, а ты – лучшую опору, о какой только можно мечтать. Помни об этом. Цени ее, помогай изо всех сил – и ты увидишь, что она превзойдет все твои ожидания.

Габриель приглядывается к деду. Тот одет по моде 1960-х годов: серый пиджак, белая рубашка, кожаные туфли, узкий галстук. Волосы у него седоватые, но морщин мало, лицо все еще округлое и свежее. Габриелю уже не так одиноко, появилось чувство, что он приобрел союзника.

Обещав деду совсем скорую встречу, он без сожаления покидает дом кинозвезды и торопится к Люси. Та тоже спит, и тоже совершенно голая. Некоторое время он любуется ею как произведением искусства, упрекает себя за постыдное отвлечение маршрута и говорит себе, что дед прав: он недооценивал шанс, предоставленный этим знакомством.

Люси оказалась гораздо обворожительнее, чем все актрисы, чьими фотографиями он увешал свою квартиру. Она и впрямь похожа – и это ему нисколько не мешает – на Хеди Ламарр, которую при жизни ему так хотелось повстречать. Если бы он был жив, то попытался бы завязать с ней близкие отношения и, кто знает, прожил бы, возможно, остаток жизни душа в душу с этим великолепием...

Но эта мысль вызывает следующую, сразу вытесняющую все остальные:

Кто присвоил себе право оборвать его дни?

19. Энциклопедия: червь планария

Планария – плоский пресноводный червячок. Его длина всего 4 см, но у него имеются голова, глаза, головной мозг и спинной мозг, связывающий воедино всю нервную систему. Кроме того, у него есть рот, пищеварительная система и бесполовая система воспроизводства. Этот червь долго изумлял ученых своей способностью к автоматической регенерации любой части тела, которой его лишат, чем заслужил славу «бессмертного и неподвластного лезвию ножа». В 2014 г. группа ученых в университете Тафта, штат Массачусетс, научила планарий запоминать условия, полные неожиданностей и ловушек. Всего за десять дней планарии освоились с обстановкой, запомнив места, где получали пищу и где их било током. Потом их обезглавили. Головы отросли через две недели.

Помещенные в прежнюю среду планарии, ко всеобщему удивлению, вспомнили, где их поощряли, а где им причиняли боль.

Этот эксперимент поднял вопрос: если память об удовольствии и о боли хранится не в мозгу, то где же?

Эдмонд Уэллс, Энциклопедия относительного и абсолютного знания, том XII

20

Солнечный луч, добравшись до правого века, заставляет его дрогнуть и медленно приподняться. Люси видит в окне своей спальни небо, улыбается, зеваает, потягивается, чтобы размять позвоночник, и аккуратно, одну за другой, опускает на пол ноги.

В ванной она тщательно чистит зубы. С облегчением замечает, что рана на запястье уже начала затягиваться.

Стоя перед зеркалом, она закрывает глаза и говорит: «Спасибо за то, что жива. Спасибо, что у меня есть тело. Надеюсь быть сегодня достойной права на существование».

Она складывает руки, делает реверанс в направлении солнца и идет в кухню.

Габриель парит над ней, наблюдает и не смеет заговорить. Она достает коробочку с таблетками, ампулами, всевозможными порошками, капает из пипетки что-то желтое в стакан с водой и выпивает ее одним глотком. Потом высыпает себе в ладонь горсть гомеопатических гранул и кладет под язык.

После завершения этого медицинского ритуала она включает свой планшет и, завтракая, просматривает страницы новостей.

- Вы все еще здесь? - бросает она как бы между прочим. - Я просила вас оставить меня в покое.

- Просто... я хочу сказать, это все потому, что... я подумал, что... - бормочет Габриель, удивленный тем, что обнаружен.

- Ладно, я не злопамятная. Ночь все исцелила, включая рану на руке. Я больше на вас не сержусь.

- Значит, мне разрешается оставаться рядом с вами? Обещаю не досаждать.

- Главное, не терзайте меня своим убийством, без этого я смогу, пожалуй, стерпеть ваше присутствие, - говорит она, допивая чай.

- Благодарю. Я чрезвычайно огорчен вчерашними событиями. Я собирался принести вам извинения за свое поведение, которое вы справедливо назвали эгоистичным. Не иначе, смерть помрачила мой рассудок.

- Теперь помрачение прошло?

- Я стараюсь установить для него рамки.

- Послушайте, вас это заинтересует: о вас пишут! - сообщает она, не отрывая глаз от планшета.

Габриель подлетает к ней, изнывая от любопытства.

– Полюбуйтесь на эти некрологи!

Заголовки посвященных ему статей приводят Габриеля в ужас:

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ НОЛЯ

СМЕРТЬ ПИСАТЕЛЯ-БУМАГОМАРАТЕЛЯ

УЭЛЛС: ЗАУРЯДНЫЙ АВТОР

НАКОНЕЦ-ТО СКАЗАЛ ADIEU

Последняя из статей самая пространная: она занимает целые две страницы в популярной газете, ей предшествует неудачная фотография покойного. Подзаголовок гласит: «Счастливое избавление». Авторство статьи принадлежит Жану Муази.

Люси изучает другие сайты, на которых упомянута смерть Габриеля.

– Вывод неутешительный: в целом собратья ценят вас невысоко. Ни один не сподобился настроичить положительный некролог.

– Никакие это не собраты, так, парижские критики. Их всего пара-тройка десятков, одного не отличишь от другого. Всех их научили презрению к жанровой литературе, которую они обзывают «недолитературой».

– Где же ваши защитники?

– Если такие и существуют, то у них почти или совсем нет доступа к прессе.

Люси корчит насмешливую гримасу.

– Снова ваша паранойя?

– Хотелось бы мне, чтобы вы были правы, но посудите сами! Вы же видите, что здесь написано! Во Франции – а может, и не только здесь – любой автор, осмеливающийся писать для широкой публики, оказывается под подозрением.

– Она и есть – паранойя во всей красе! До встречи с вами я и представить не могла эту грань вашей личности. Я всерьез считала, что вы выше всего этого.

– Вам бы хотелось, чтобы вашу смерть назвали «счастливым избавлением»? Вот и я немного чувствителен.

– Раз критикам удалось вас огорчить – значит, они победили.

Она выключает планшет, наливает себе еще чаю и произносит, наконец, слова, которых заждался Габриель:

– Валяйте, месье Уэллс, сегодня утром у меня есть немного времени. Знаю, что вы сгораете от нетерпения поведать мне вашу историю.

21

«Как вы знаете, у меня есть брат-близнец Тома. Говорят, мы обнялись в животе нашей матери еще за несколько дней до родов. Которые пошли очень неважно. Говорят, было море крови, мать чудом выжила. Между прочим, она утверждала, что все предвидела, потому что занималась астрологией.

Наш отец был настроен гораздо более философично. Он преподавал в университете биологию и параллельно был независимым исследователем. Он надеялся прославиться своими опытами, но увлекавшие его области мало кого интересовали. Например, работая в США, он выяснил, что червь планария умеет находить дорогу в лабиринте после того, как у него отрастет ранее отрезанная голова. Он всерьез верил, что своим открытием сумеет в один прекрасный день продлить человеческую жизнь. О его опытах рассказано в энциклопедии моего двоюродного деда Эдмонда Уэллса, и они долго завораживали нас с братом. Из-за этого мы очень рано стали задаваться вопросами о жизни и смерти, о памяти, о месте, где обитает душа.

Мой отец больше любил Тома, а я был скорее маминым любимчиком: она меня душила своей любовью. Дед с отцовской стороны, Игнас Уэллс, лейтенант полиции, был моим сообщником. Мы с ним подолгу беседовали на берегу озера в Булонском лесу, бросая лебедям кусочки хлеба.

Вы – не единственная, кого мучила избыточная родительская любовь. Вы – «Коза господина Сегена» Альфонса Доде, я – «Гадкий утенок» Андерсена. На случай, если вы забыли эту сказку, я вам ее напомню: утенок, затравленный другими птенцами, вырастает и оказывается вовсе не уткой: к утиным яйцам по ошибке подложили лебединое. Поняв свое отличие, причинившее ему столько страданий, он обретает счастье. «Любой изъян может стать козырем. Понятая ошибка может сойти за художественный выбор».

Так лебедь стал символом нашего с дедом заговора, а озеро – нашей «конспиративной квартирой».

Если не считать восхитительных моментов в обществе деда, жизнь среди других «утят» была непростой. В отличие от брата, я плохо учился, был неспортивным. Он сидел на первой парте, я – на задней, у батареи. Учителя отзывались обо мне как о «мечтателе, которому надо вернуться на землю». Мы превратились для учителей в объекты изучения: близнецы, похожие во всем, только один – первый ученик, второй – безнадежно отстающий.

Я не любил книги, которые нужно было читать по программе. Мне казалось, что их авторы преподают нам урок, морализируют, восторгаясь собой; я чувствовал, что сами они не следовали в жизни тем мудрым советам, которые навязывают читателям.

Дедушка, заметив, что я отвергаю «официальную» литературу, сказал мне как-то раз: «Знаешь, хорошую книгу можно пересказать хорошим анекдотом». И стал сыпать анекдотами. Это давало мгновенный эффект. Его анекдоты удлинялись, пока он не посоветовал мне прочесть «особенную книгу», которую считал хорошим анекдотом на триста страниц – «Собаку Баскервилей» англичанина Конан Дойла. Она стала для меня откровением, я переворачивал страницы как околдованный. Я залпом проглотил весь роман, забыв о времени. То же самое, что чувствовали вы, читая в тюрьме «Мы, мертвецы», я почувствовал, читая Конан Дойла. Мне не терпелось узнать, что за чудовище прячется среди пустошей, наводя ужас на всех, кто туда сунется. С тех пор литература перестала быть для меня вереницей округлых фраз, нанизываемых,

как жемчужины на нить, и превратилась в загадку, разрешить которую можно только при помощи волшебства.

Мне тоже не годился мир, предлагаемый родителями и школой. Я тоже совершил побег, только не физически, а психологически.

После «Собаки Баскервилей» я проглотил всего Конан Дойла, а потом придумал моего собственного сыщика по прозвищу Лебедь. Я представлял его чрезвычайно белокожим, длинношеим, становившимся очень агрессивным, когда его разозлят. Его девиз гласил: «Истин две: та, в которую нас заставляют верить, и та, которую хотят от нас скрыть».

Сначала я придумывал 10-страничные расследования с небольшим набором персонажей, простенькие рассказы, но всякий раз с максимально неожиданным концом. В голове у меня для каждой такой истории складывалась собственная архитектура: некоторые имели форму круга (до сыщика доходило, что виновник загадки торчал у него перед глазами с самого начала), другие – форму спирали (история неуклонно усложнялась, расширялась, описывала нежданные виражи); бывали также треугольники (один персонаж использовал для достижения своих целей другой), пирамиды (несколько параллельных интриг, сходящихся в вершине), кресты, готические переплетения... В качестве повествовательной структуры я использовал принципы магического искусства: отвлечение, вынужденный выбор, двойное дно, зеркальность, парность... Да, я могу сказать, что расследования Шерлока Холмса вместе со всем, что они во мне разбудили, стали моим спасением.

В школе я по-прежнему отставал, только учителя французского все больше меня хвалили. Помнится, один из них так и заявил: «Откровенно говоря, я обожаю вас читать; я смеялся от души, ваша финальная находка меня ошеломила, но вам следует потрудиться над формой. Вы допустили десять орфографических ошибок, так что мне опять пришлось вклеить вам «0». Но хочу, чтобы вы знали: читать вас для меня такое удовольствие, что я всегда начинаю с вашей работы, чтобы хватило запала на остальные, часто безупречные в плане орфографии, зато смертельно скучные».

Преподаватели оценивали меня по заслугам – по-прежнему низко, в отличие от одноклассников, полюбивших мои рассказы об инспекторе Лебеде на уроках физкультуры.

Я нашел свое место: стал рассказчиком. С незапамятных времен существовали барды, гриоты, сказители, создававшие коллективную культуру. Мои расследования лейтенанта Лебедея собирали особое племя слушателей, что привело к тому, что девочки тоже стали обращать на меня внимание.

С тех пор между мной и братом вспыхнула конкуренция: он преуспевал в классических предметах, я набирал очки в своем новом призвании. В каком-то смысле я стал продолжателем дела нашей матери-астролога, веселившей своими историями клиентов.

Тома хотел стать серьезным ученым, подхватить отцовское знамя, пусть и избрал впоследствии вместо биологии физику. Он стремился стать конструктором волновых приборов, это была его изюминка.

Когда дедушка попал в больницу, мне было 13 лет; я его навещал, и мы продолжали наши долгие беседы. Ему было тогда 82 года, и он быстро слабел. Он говорил мне, что хочет умереть, но бабушка неизменно отвечала ему: «Брось глупить, твой врач убежден, что у тебя есть шансы выздороветь». Помню, он пытался сорвать с себя трубки капельницы, из-за этого его пристегивали к койке ремнями. Он умолял меня помочь ему умереть, но я не представлял, как это сделать. Наконец, я узнал, что у него хватило сил сбросить ремни и самостоятельно положить конец своим дням. Для меня стала ударом сама его смерть, как и отказ бабки соблюсти его волю. «Если человек даже не может сам решить, когда ему умереть, то для чего вообще нужна свобода?» – задавался я вопросом.

Меня глубоко удручила эта утрата, но моего брата она оставила равнодушным. Он твердил: «Медицина сделала все, что могла, но дедушка решил сражаться с решениями врача и поплатился за это». Видя, что я совершенно убит смертью деда, Тома предложил мне изготовить «некрофон» – прибор для бесед с мертвыми, вдохновленный подлинным изобретением Томаса Эдисона, преследовавшего ту же самую цель. Я пришел в восторг от этой затеи и решил, что, пока он будет доводить до ума свой потрясающий прибор, я использую свой талант начинающего писателя и придумаю, как его применить. Написанный тогда рассказ с простым названием «Некрофон» лег в основу романа «Мы, мертвецы», который я написал спустя десять лет.

Потом я поступил на юридический факультет, но там мне быстро наскучило; зато меня сразу увлекла криминология. Я легко сдал выпускные экзамены и за

отсутствием конкуренции (учившиеся на журналистов предпочитали криминологии политику и культуру) был легко принят в крупный левый еженедельник, подыскивавший журналиста, специализирующегося в криминологии.

Первые же мои статьи имели большой успех: читателям приглянулся мой романтический стиль, напрямую заимствованный у Конан Дойла. Я следил за судебными процессами, а затем театрализованно представлял их в своих статьях, приводя много подробностей из психологии участников – как убийц, так и жертв.

Главный редактор быстро предложил мне повышение – весьма завидный ранг «крупного репортера». Мне было дозволено писать объемные репортажи и снабжать их фотографиями; я даже получил время на собственные расследования и допросы свидетелей. Мне предложили высокую зарплату, предоставили журнальную площадь для высказывания, а я в ответ наращивал журналу аудиторию. Первые же мои репортажи заметили, меня цитировали на радио, мой анализ воспроизводили в журналах-конкурентах, на моем рабочем столе неуклонно росла гора читательских писем.

А потом я опубликовал материал о бельгийском педофиле, обвиненном в похищении детей. Считалось, что он действовал один. Но я, проведя собственное расследование, выяснил, что он был звеном целой сети из сотни людей, к которой принадлежали видные немцы и даже бельгийские министры. К моему удивлению, судьи отказались даже рассматривать гипотезу о преступной организации, более того, заткнули рот обвиняемому, стоило тому заикнуться о сообщниках. Я не верил своим глазам и ушам. Пришлось написать статью, разоблачавшую старания юстиции замять дело. Правда, мне не удалось изложить все свои умозаключения, потому что главный редактор испугался последствий и сам признался мне в этом: «Иногда люди исчезают и по менее веским причинам».

Я не настаивал и отказался от этой публикации, занявшись менее «будоражающими» делами. В одном фигурировал, например, популярнейший телеведущий, употреблявший, как я выяснил, кокаин и успевший серьезно ранить под воздействием наркотика нескольких девушек; при этом в своих передачах он клеймил насилие в семьях, вызывая у бесхитростных телезрителей обильное слезотечение. И снова я не стал обнародовать свои открытия: у этого человека была слишком большая аудитория, чтобы на него покушаться.

После этого эпизода меня вызвал главный редактор. Он сказал, что запрещает мне продолжать работать в том же духе. Он высмеял мою наивность, склонность путать ремесло журналиста с призванием всемогущего судьи. Так или иначе, у журнала, по его словам, иссяк бюджет на длинные расследования. «Габриель, – сказал он под конец, – будьте скромнее, бросьте рисоваться, довольствуйтесь украшением сухих депеш в вашем неподражаемом стиле и изображением запоминающихся действующих лиц. Журналу это обходится дешевле, а нашим читателям этого хватает с лихвой».

Я снова засел за статьи, в которых никого не беспокоил, хотя не оставлял мыслей о более содержательной работе. В конце концов возможность представилась. Третье углубленное расследование, за которое я взялся по собственной инициативе, касалось директора правительственного агентства по контролю нравственности на телевидении, на глазах у нескольких свидетелей убившего в разгар садомазохистской оргии проститутку. Несколько политиков бросились его выгораживать, сам он оправдывался тем, что является отцом образцового семейства, столпом незапятнанной морали, ставшим жертвой заговора производителей фильмов категории X, которым он не позволял залить своим непотребством телеэкран. Обеляя себя, этот оплот телевизионной нравственности составил собственную версию происшедшего и издал ее брошюрой под названием «Поруганная честь». Накануне судебного процесса одного из главных свидетелей, трансвестита, нашли задушенным в тюремной камере. Проститутки, вызванные как свидетельницы, отказались от своих прежних показаний, а телевизионный журналист, поддерживавший версию убийства, был уволен.

В беседах со мной с глазу на глаз девушки признались, что им грозили лишением родительских прав, если они будут «упорствовать во лжи и дискредитировать добродетельного гражданина». Они подробно поведали мне о вечере, когда произошло преступление; все их показания совпадали, и я настроил на их основании длинную статью. Опасаясь вето главного редактора, я предоставил текст в последний момент, перед самой версткой, соврав, что он одобрен. Все бы получилось, если бы не секретарша редакции: у нее возникли сомнения, она поделилась ими с главным редактором, и тот заблокировал набор. Впоследствии я узнал, что он сам водил дружбу с обвиняемым. На завтра, вызвав меня, он заявил, что чаша его терпения переполнена и что я параноик, видящий преступников там, где их отродясь не водилось. Он посоветовал мне пройти лечение и уволил с такой формулировкой: «Путает личную интуицию с фактической действительностью».

Год после этого я не имел работы и с трудом платил за жилье. Репутация «смутьяна» мешала мне наняться в конкурирующие журналы. Я обитал в крохотной, в десять квадратных метров, студии под самой крышей, делил туалет и душ с другими жильцами и питался раз в день – главным образом сублимированной лапшой с томатным соусом.

Зато я использовал свободное время для превращения своей первой статьи о бельгийской педофильской сети в остросюжетный роман, начиненный малоизвестной криминологической информацией. Это была первая моя рукопись, и называлась она «Лебедь».

Я разослал ее в дюжину издательств. Она не приглянулась ни одному, отовсюду я получил типовой ответ: «К сожалению, произведение не вписывается в издаваемые нами серии. Советуем предложить его другим издательствам, работающим с подобного рода текстами, предварительно внося в него исправления. Успеха с новыми публикациями!» Переписав текст, я отправил его в те же самые издательства – и опять получил из всех вежливые письма с отказом.

А потом в один прекрасный день мне позвонили из большого издательского дома «Александр де Виламбрез» и сообщили о желании незамедлительно со мной встретиться. Со мной захотел познакомиться сам владелец! Я не мог поверить своим ушам.

При первой встрече он сказал: «Берем, только это слишком длинно. Тысяча пятьсот страниц о расследовании проделок бельгийских педофилов не тронут широкую публику. Предлагаю сократить ваше детище до трехсот пятидесяти страниц и перенести действие из Бельгии в Люксембург во избежание юридических затруднений. Само собой, никаких имен. Пускай читатели сами находят сходство с реальными событиями, если обладают хотя бы минимумом любопытства».

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Игра слов. «Болезнь» по-французски – *maladie*, произносится так же, как и *mal a dire* – «трудно сказать». – Здесь и далее прим. переводчика.

2

«Дерьмо» – *merde* (фр.).

3

Сокращение от *Service d'aide medicale urgente*, Служба скорой медицинской помощи.

4

«Клюющие мертвых» (фр.).

5

Французский психолог и фармацевт, разработавший метод психотерапии и личностного роста, основанный на самовнушении.

Купить: <https://tellnovel.com/bernar-verber/s-togo-sveta>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)